

Доктрина монархическаго принципа во Франціи въ эпоху реставраціи.

I.

Отношеніе литературы русскаго государственнаго права къ нѣмецкой доктринѣ монархическаго принципа и задача настоящаго очерка.

Однимъ изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ того плѣненія, въ которомъ нѣмецкая наука держала до послѣдняго времени русскую политическую мысль, можетъ служить то значеніе, которое придавали наши государствовѣды германской доктринѣ монархическаго принципа. Понятія и представленія, на которыхъ построена эта доктрина, нашли себѣ у насъ громкій откликъ и вошли въ обиходъ русской научной литературы. Рядъ ученыхъ положилъ ее въ основаніе своего истолкованія нашего новаго государственнаго строя, усмотрѣвъ въ ея главныхъ положеніяхъ юридическія предпосылки русскихъ основныхъ законовъ[1]).

Въ виду такого значенія нѣмецкой доктрины для пониманія русскаго положительнаго права, эта доктрина сдѣлалась предметомъ особаго вниманія со стороны русскаго ученаго міра[2]).

Появился рядъ работъ, посвященныхъ вопросу о возникновеніи доктрины монархическаго принципа, ея судьбѣ и ея значеніи въ политической жизни Франціи и Германіи. Эта народившаяся въ послѣдніе годы литература монархическаго принципа обнаружила, однако, принципіальное разногласіе на основные вопросы,

[1]) С. А. Котляревскій, Юридическія предпосылки русскихъ основныхъ законовъ, стр. 200, 201. Паліенко. Основные законы и форма правленія въ Россіи. 1910 г., стр. 74, 75.

[2]) Характернымъ выраженіемъ этого вниманія можетъ служить, между прочимъ, засѣданіе Петроградскаго Юридическаго Общества, состоявшееся 19 октября 1911 г. На немъ былъ прочитанъ докладъ К. П. Зайцева, Монархическій принципъ и его возникновеніе въ Германіи. Онъ вызвалъ интересныя пренія, въ которыхъ приняли участіе В. М. Гессенъ, Н. И. Лазаревскій, гр. П. М. Толстой, К. Н. Соколовъ.

связанные съ содержаніемъ, значеніемъ и исторіей интересующаго насъ ученія[1]).

Если, по воззрѣнію однихъ, такъ-называемый монархическій принципъ есть «категорія вѣчная», выступающая вездѣ, гдѣ существуетъ абсолютное государство, то, по ученію другихъ, онъ имѣетъ свои корни въ національномъ складѣ и въ особыхъ условіяхъ той страны, которая дала ему жизнь. Если, по ученію однихъ, ученіе о суверенитетѣ монарха въ конституціонномъ государствѣ сводится къ одной весьма простой формулѣ: «монархъ — носитель всей государственной власти», то, по утвержденію другихъ, оно, напротивъ, представляетъ собою многогранную доктрину, которая сложилась изъ различныхъ элементовъ, имѣющихъ въ различныхъ государствахъ и въ различныя эпохи своей исторіи различный смыслъ и различное содержаніе. Наконецъ, если, по воззрѣнію однихъ, доктрина монархическаго принципа зародилась и сложилась во Франціи и отсюда распространилась на другія государства, то, по объясненію другихъ, ея родина — Германія, гдѣ она возникла совершенно самостоятельно и независимо отъ иноземныхъ воздѣйствій и гдѣ она сложилась въ законченную и вліятельную доктрину, которая не утратила своего значенія и по сіе время.

Разногласіе при объясненіи такихъ конкретныхъ явленій, какъ внѣшняя судьба и содержаніе опредѣленной политической доктрины (нашедшей себѣ, сверхъ того, точное выраженіе и ясное истолкованіе въ цѣломъ рядѣ офиціальныхъ актовъ и заявленій), такое разногласіе, говоримъ мы, нельзя объяснить различіемъ политическаго міросозерцанія или различіемъ теоретическихъ точекъ зрѣнія спорящихъ сторонъ; причину этого разногласія слѣдуетъ искать въ неразработанности того историческаго матеріала, который свидѣтельствуетъ о прошломъ доктрины. И, дѣйствительно, доктрина монархическаго принципа по настоящее время еще мало изучена въ тѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, въ которыхъ она нашла себѣ выраженіе въ различныхъ странахъ и въ различные фазисы своего существованія[2]).

---

[1]) Труды Петроградскаго Юридическаго Общества. Протоколъ засѣданія административнаго отдѣленія, 19 октября 1911 г., стр. 336—362.

[2]) Изъ новѣйшихъ работъ, посвященныхъ монархическому принципу, упомянемъ: Hiebrich, Deutsches Fürstentum und deutsches Verfassungswesen. 1905. Hoffman, Monarchisches Princip und Ministerverantwortlichkeit. 1911. Erich Kaufmann, Studien zur Staatslehre des monarchischen Principes. Leipzig. 1906. Hintze Das monarchische Princip und konstitutionelle Verfassung. Preuss. Jahrbuch 1911. Meisner, Die Lehre vom monarchischen Princip. Breslau. 1913.

Цѣль предлагаемой работы — по возможности пополнить этотъ пробѣлъ въ научной литературѣ; задача ея сводится къ тому, чтобы полнѣе и точнѣе, чѣмъ то было сдѣлано по сіе время, воспроизвести тѣ формулы, въ которыхъ вылилась доктрина монархическаго принципа во Франціи, и показать, какой пріемъ эти формулы встрѣтили со стороны общественнаго мнѣнія и какъ онѣ были восприняты офиціальными актами, знаменующими собою различные этапы въ развитіи конституціоннаго строя континентальной Европы.

II.

Опредѣленіе доктрины монархическаго принципа.

Прежде чѣмъ приступить, однако, къ выясненію тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается интересующее насъ ученіе, необходимо прежде всего дать по возможности точное опредѣленіе самой доктрины монархическаго принципа и указать на тѣ признаки, которыми она отличается отъ родственныхъ ей доктринъ и прежде всего отъ ученія объ абсолютной власти монарха, съ которымъ нѣкоторые склонны ее смѣшивать.

Это послѣднее ученіе, несмотря на его отличіе отъ доктрины монархическаго принципа, имѣетъ съ ней то общее, что подобно ей остріе своихъ основныхъ положеній направляетъ противъ принципа народнаго суверенитета. Обѣ доктрины—ученіе абсолютистовъ и теорія конституціонныхъ монархистовъ—отвергаютъ демократическій принципъ и выставляютъ своимъ основнымъ догматомъ — божественное происхожденіе власти и ея независимость отъ воли народа.

Принципъ самодержавія монарха Божьей милостью лежитъ въ основаніи какъ абсолютистической доктрины, такъ и доктрины монархическаго принципа.

Но обѣ доктрины, сходясь въ этомъ основномъ пунктѣ, расходятся въ своемъ отношеніи къ принципу единства верховной власти. По ученію абсолютистической доктрины, государственная власть по самой природѣ своей едина и воплощается въ лицѣ монарха, обладающаго властью неограниченной[1]). Доктрина же монархическаго принципа въ конституціонномъ государствѣ отвергаетъ этотъ догматъ неограниченной власти монарха; она учитъ, что полномочія короля находятъ свой предѣлъ въ основныхъ правахъ гражданъ и въ нормахъ имъ свободно дарованной конституціи. Эта конституція кладетъ въ основаніе своихъ опредѣленій начало раздѣленія власти и установляетъ, что функціи власти, допускающія

[1]) Joseph Hitier, La doctrine de l'absolutisme. Paris. 1903.

делегаціи, т.-е. текущее законодательство, подчиненное управленіе и судъ, осуществляются самостоятельными учрежденіями въ точныхъ предѣлахъ предоставленной имъ компетенціи, подъ надзоромъ и непосредственнымъ руководствомъ короля.

Неограниченный монархъ абсолютистической доктрины превращается, такимъ образомъ, у послѣдователей доктрины монархическаго принципа, въ ограниченнаго носителя верховной власти: онъ становится главою государства, имѣющимъ лишь опредѣленныя функціи, хотя и функціи первостепенной важности.

Эти двѣ доктрины прнадлежатъ къ двумъ разнымъ эпохамъ и порождены разнородными условіями политической жизни. Абсолютистическая доктрина выросла на почвѣ неограниченной монархіи и вызвана потребностью обосновать и оправдать этотъ образъ правленія[1]). Доктрина же монархическаго принципа слагается въ періодъ распада абсолютизма. Она вызвана потребностью охранить монархическую власть отъ натиска политическихъ идей и настроеній, созрѣвшихъ и провозглашенныхъ въ періодъ революціи. Она имѣетъ своимъ необходимымъ предположеніемъ зарождающійся конституціонализмъ и появляется лишь тамъ гдѣ стоятъ другъ противъ друга, съ одной стороны, народъ со своими требованіями общественнаго самоопредѣленія, а съ другой стороны, монархъ со своимъ стремленіемъ сохранить традиціи древняго королевства и главнѣйшія прерогативы исторической монархіи.

Въ такую именно переходную отъ абсолютизма къ конституціонализму эпоху и появилась впервые доктрина монархическаго принципа во Франціи.

Возвращеніе, съ одной стороны, Бурбоновъ, съ которымъ приверженцы стараго порядка связывали надежду на возстановленіе легитимной монархіи, съ другой же стороны, настоятельное требованіе новаго французскаго общества закрѣпить блага, отвоеванныя революціей, и узаконить начала либеральнаго конституціоннаго строя, эти два противорѣчивыхъ теченія возлагали на Людовика XVIII

---

[1]) Людовикъ XVIII въ первый періодъ своей политической карьеры является ревностнымъ сторонникомъ абсолютистической доктрины и относится безусловно отрицательно къ конституціонному строю. Въ 1795 г. въ прокламаціи, извѣщающей о смерти дофина и своемъ восшествіи на престолъ, онъ выражаетъ свое твердое намѣреніе возстановить абсолютную монархію во всей ея первоначальной силѣ и чистотѣ. А въ 1799 г., въ письмѣ къ графу С. При, выразившему сомнѣніе въ возможности возстановленія стараго порядка, заявляетъ, что для него этотъ порядокъ — святыня, которой онъ рѣшился никогда не измѣнять, что уклоняться отъ нея значитъ для него отклоняться отъ унаслѣдованной имъ отъ предковъ неограниченной власти и удовольствоваться той долей авторитета, которую благоугодно будетъ народу предоставить ему.

трудную задачу примирить пережившіе себя догматы старой монархіи съ новыми принципами представительнаго порядка. Это примиреніе нашло себѣ внѣшнее выраженіе въ одновременномъ изданіи 4 іюня 1814 г. двухъ актовъ, весьма различныхъ по своему содержанію: первымъ изъ нихъ была конституціонная хартія, заключавшая въ себѣ основы представительнаго строя и удовлетворившая наиболѣе настоятельнымъ требованіямъ обновленной Франціи; вторымъ же актомъ было предисловіе къ хартіи, составленное Беньо, оправдывавшее ее съ точки зрѣнія политическихъ догматовъ легитимной монархіи.

Въ этомъ предисловіи къ хартіи впервые излагаются основы доктрины монархическаго принципа, того ученія, которое пытается сочетать представительный строй, гарантирующій основныя права гражданъ, и участіе общества въ законодательствѣ съ принципами исторической монархіи, т.-е. съ началомъ самодержавія королевской власти и ея независимости отъ воли народа.

Свое изложеніе доктрины монархическаго принципа мы и должны начать съ анализа того акта, который является первымъ офиціальнымъ выраженіемъ интересующаго насъ ученія.

III.

Доктрина монархическаго принципа въ предисловіи къ хартіи 4 іюня 1914 г.

Начало божественнаго происхожденія королевской власти провозглашается въ первыхъ же строкахъ Préambule. Король, говорится тутъ, послѣ долгаго отсутствія вернулся въ свои владѣнія не по зову народа, а по волѣ божественнаго Провидѣнія[1]). Ему издавна принадлежала вся полнота власти, хотя порядокъ ея осуществленія мѣнялся въ различныя эпохи въ зависимости отъ нуждъ и условій времени[2]). Этимъ требованіямъ времени короли шли навстрѣчу своими реформами. Предпринимая свои преобразованія, монархи, однако, ни разу не измѣнили своей важнѣйшей по отношенію къ своимъ народамъ обязанности — обязанности охранять права и прерогативы короны[3]). Они знали, что только верховный авторитетъ можетъ дать высшимъ учрежденіямъ, которыя онъ уста-

[1]) La divine Providence en nous rappelant dans nos États après une longue absence, nous a imposé de grandes obligations.

[2]) Nous avons consideré que bien que l'autorité toute entière réside en France dans la personne du Roi, nos prédecesseurs n'avaient point hesité a en modifier l'exercice, suivant la différence des temps.

[3]) Nous avons du nous souvenir aussi que notre premier devoir envers nos peuples était de conserver pour leur propre intérêt, les droits et les prérogatives de notre couronne.

новляетъ, ту силу, устойчивость и величіе, которыми онъ самъ облеченъ; что только та конституціонная хартія можетъ быть долговѣчной, которая примиряетъ мудрость короля съ желаніемъ народовъ, но что, наоборотъ, уступки, вырванныя у слабаго правительства, грозятъ опасностью общественной свободѣ еще въ большей степени, чѣмъ самому правительству[1]). По всѣмъ этимъ причинамъ мы добровольно и свободнымъ осуществленіемъ своей королевской власти даровали и даруемъ, уступаемъ и жалуемъ нашимъ подданнымъ какъ за себя, такъ и за наслѣдниковъ нашихъ и навсегда слѣдующую конституціонную хартію.

Воззрѣніе на связанность власти короля, какъ на самоограниченіе суверена, остающагося самодержавнымъ и при конституціонномъ порядкѣ, находятъ себѣ яркое выраженіе и въ рѣчи Дамбре, произнесенной имъ въ присутствіи короля при открытіи палатъ на торжественномъ засѣданіи 4 іюня. Въ ней мы, между прочимъ, читаемъ: Франція съ возвращеніемъ Бурбоновъ обрѣла вновь незыблемыя основы древней монархіи. И на этихъ-то священныхъ основахъ и должно быть теперь воздвигнуто прочное зданіе, которое не могли бы сокрушить ни время, ни люди. И краеугольнымъ камнемъ этого зданія долженъ стать король, вокругъ котораго сплотятся всѣ французы. Онъ въ полномъ обладаніи своихъ наслѣдственныхъ правъ на это прекрасное королевство, хочетъ осуществлять свой авторитетъ, Богомъ ему врученный, лишь въ тѣхъ предѣлахъ, которые онъ самъ ставитъ своей власти.

Доктрина монархическаго принципа, какъ она выражена въ цитированныхъ актахъ, слагается, какъ видитъ читатель, изъ трехъ началъ, принадлежащихъ къ тремъ различнымъ историческимъ эпохамъ, разнородныхъ поэтому по своимъ мотивамъ.

Первое начало — начало самодержавія монарха Божьей милостью — принадлежитъ старому режиму и выражаетъ незыблемость основного догмата исторической монархіи.

Второе начало—начало правовой связанности монарха— представляетъ собою плодъ новаго времени и имѣетъ цѣлью примирить общество, вышедшее изъ революціи, съ возстановленіемъ старой династіи.

Третье начало — начало самоограниченія власти монарха — образуетъ собою принципъ новѣйшей формаціи и заро-

[1]) L'autorité suprême peut seule donner aux institutions qu'elle établit la force, la permanence et la majesté dont elle est elle-même revêtue, qu'ainsi lorsque la sagesse des Rois s'accorde librement avec le voeu des peuples, une charte constitutionnelle peut être de longue durée, mais que quand la violence arrache des concessions à la faiblesse du Gouvernement, la liberté publique n'est pas moins en danger que le trône même.

ждается лишь съ возникновеніемъ конституціоннаго строя. Оно было невѣдомо какъ старому порядку, такъ и эпохѣ революціи. Оно вызвано необходимостью перебросить мостъ между старой и новой Франціей и сочетать принципъ самодержавія монарха съ началомъ его связанности конституціей.

Эти принципы, провозглашенные Людовикомъ XVIII и его ближайшими сотрудниками, встрѣтили отрицательное отношеніе со стороны либеральныхъ сторонниковъ хартіи: люди новой Франціи признали въ этихъ принципахъ пережившія себя начала, не вяжущіяся съ правосознаніемъ современнаго культурнаго человѣчества и безповоротно осужденныя новѣйшимъ историческимъ опытомъ, закрѣпленнымъ конституціонной хартіей 4 іюня 1814 г.

Не у либеральныхъ дѣятелей эпохи реставраціи искать намъ поэтому истолкованія доктрины монархическаго принципа: такое истолкованіе мы можемъ найти лишь у ультрароялистовъ, признавшихъ хартію только нехотя и считавшихъ возможнымъ примириться съ ея постановленіями только въ томъ освѣщеніи и только съ тѣми оговорками, которыя выражены въ Préambule.

Къ парламентскимъ рѣчамъ ультрароялистовъ мы теперь и обратимся и по выраженнымъ въ этихъ рѣчахъ воззрѣніямъ постараемся воспроизвести доктрину монархическаго принципа, какъ она выступила въ первомъ фазисѣ своего существованія во Франціи, т.-е. въ царствованіе Людовика XVIII.

IV.

Доктрина монархическаго принципа въ парламентскихъ рѣчахъ ультрароялистовъ эпохи Людовика XVIII.

Людовикъ XVIII въ офиціальныхъ заявленіяхъ, сопровождавшихъ изданіе конституціонной хартіи 4 іюня 1814 г., провозгласилъ, какъ мы видѣли, основнымъ догматомъ своего политическаго символа вѣры начало самодержавія и это начало независимости монархической власти отъ людского произвола обосновалъ ея божественнымъ происхожденіемъ.

Роялисты положили въ основу своего ученія тотъ же принципъ, но обосновывали его не только религіозными доводами, но и аргументами, почерпнутыми изъ прошлаго королевской власти. «Власть монарха, учили они, самодержавна не только потому, что она исходитъ отъ Бога, она независима отъ людей и въ силу того историческаго процесса, плодомъ котораго является наслѣдственность монархіи во Франціи». Талейранъ, первый выдвинувшій начало легитимизма, объясняетъ эту перемѣну аргументаціи роялистовъ

слѣдующими соображеніями: «Когда, говоритъ онъ, религіозныя чувства были глубоко запечатлѣны въ сердцахъ людей и когда они единодержавно властвовали надъ умами, въ такое время люди могли вѣрить въ суверенную власть, какъ въ проявленіе божества; они могли думать, что династіи обязаны и своимъ возникновеніемъ и своимъ долголѣтнимъ существованіемъ покровительству небесъ. Но въ наши дни, когда религіозныя чувства остыли и почти не оставили по себѣ слѣдовъ, когда религіозная связь, объединявшая людей, если не порвалась окончательно, то по крайней мѣрѣ значительно ослабла, въ такую эпоху вѣра въ божественное происхожденіе власти потеряла подъ собою почву»[1]). Религіозные доводы не могутъ имѣть той убѣдительности, которой вооружены тѣ свѣтскіе аргументы, которыми обосновываютъ свою доктрину провозвѣстники легитимизма. Если въ наше время есть принципъ, который можетъ побѣдоносно соперничать съ началомъ народнаго суверенитета, то это принципъ легитимизма. И роялисты, противопоставляя другъ другу эти два начала, развиваютъ въ своихъ рѣчахъ цѣлый рядъ соображеній, долженствующихъ доказать безусловное превосходство принципа легитимизма надъ началомъ народнаго суверенитета. «Двѣ доктрины, говоритъ Конни, раздѣляютъ міръ: одна покоится на началѣ легитимитета, на наслѣдственной передачѣ власти, другая выставляетъ догматъ народнаго суверенитета. Французская монархія обязана своимъ бытіемъ первому началу: ее образовали восемь вѣковъ исторіи»[2]). «Начало легитимитета, объясняетъ Лабурдоне, въ отличіе отъ демократической доктрины, не теоретическое измышленіе, не созданіе отвлеченной мысли, не плодъ политическихъ страстей, вызванныхъ временными обстоятельствами это — памятникъ государственнаго опыта и политической мудрости нашихъ предковъ, воздвигнутый не столько въ интересахъ королей, сколько въ интересахъ народа. Его возникновеніе нельзя связать ни съ извѣстнымъ лицомъ, ни съ извѣстной эпохой: онъ теряется во мракѣ временъ и, прежде чѣмъ стать закономъ, онъ былъ уже освященъ нравами, вѣками сложившимися»[3]). Начало

[1]) Mémoires du Prince de Talleyrand, publiés avec une préface et des notes par le duc de Broglie. Paris. 1891, p. 467.

[2]) Deux doctrines divisent le monde: l'une consacre le principe de la legitimité et de la transmission héréditaire du pouvoir, l'autre établit le dogme de la souveraineté du peuple. La monarchie française, que huit siècles avaient formée, reposait toute entière sur le principe qui place le pouvoir dans les races royales et leur imprime un caractère sacré. Рѣчь de Conny 15 марта 1830 г. Arch. parlement. 2-ème Série. T. LXI, p. 572.

[3]) Monument de l'expérience et de la sagesse de nos pères, établi dans l'intérêt des peuples bien plus que dans l'intérêt des rois; la legitimité du trône parmi nous se perd dans la nuit des temps et fus pendant des siècles consacrée par les mœurs avant d'être promulguée par nos lois. Рѣчь Labourdonnaye 15 мая 1820 г. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXVII, p. 603.

легитимитета, по ученію роялистовъ, есть начало порядка и является наиболѣе надежнымъ оплотомъ противъ анархіи. Оно создало и упрочило государственный порядокъ во Франціи. Вмѣстѣ съ его закрѣпленіемъ наступилъ конецъ междуусобнымъ и кровавымъ войнамъ, которыми было ознаменовано средневѣковье; оно положило конецъ распрямъ и раздорамъ и создало то могущественное и славное своимъ единствомъ государство, которымъ была Франція при короляхъ. Революція, поправшая начало легитимитета, снова ввергла Францію въ анархію. Реставрація возстановила это благотворное начало и этимъ вернула странѣ миръ и порядокъ. Хартія засвидѣтельствовала возвращеніе Франціи къ этому охранительному началу: она была имъ вызвана, она его закрѣпила[1]).

Хартія и принципы легитимизма такъ же тѣсно между собою связаны, какъ причина со слѣдствіемъ. Они служатъ гарантіей какъ противъ республиканскаго фанатизма, такъ и противъ военнаго деспотизма, и вотъ почему Франція ихъ такъ крѣпко держится: она знаетъ, что истинной свободой народы могутъ наслаждаться лишь подъ охраной законныхъ монарховъ, ибо только они умѣютъ править справедливостью и охранять свою власть умѣренностью.

Опредѣленіе роялистами власти монарха, какъ она сложилась во Франціи въ условіяхъ конституціоннаго строя, имѣетъ своимъ теоретическимъ предположеніемъ различеніе въ государственной власти двухъ элементовъ: во-первыхъ, государственнаго верховенства и, во-вторыхъ, отдѣльныхъ полномочій власти. Первый изъ этихъ элементовъ образуетъ собою суверенную власть, государственное верховенство. Она представляетъ собою ту творческую силу, которая организуетъ политическій союзъ, создаетъ государ-

[1]) Raison suprême d'intérêt public, principe de l'hérédité de la couronne qui, fixé par les lois, mit enfin un terme à ces guerres sanglantes qui masquèrent si longtemps chaque avènement au trône et assura pendant tant de siècles la grandeur et la prosperité de la France pour que le souvenir des déchirements politiques, dont nos pères avaient été victimes, s'éloignant peu à peu, ne finit par s'éffacer enfin de notre mémoire. Oubli fatal qui permit aux sophistes du jour de reléguer la maxime fondamentale de l'Etat avec tant d'autres doctrines tutélaires au rang des préjugés. Doctrines que la force des choses ramène aujourd'hui et ramènera sans cesse après de longues erreurs, parce que conditions necéssaires de la société. Il faut s'y soumettre ou périr. Doctrines qui ne peuvent sembler des préjugés aux yeux inattentifs que par la raison que toujours réimposées par de grandes catastrophes aux peuples qui voulurent s'y soustraire, elles se gravent par le malheur dans tous les esprits et se transmettent longtemps de génération en génération comme des axiomes populaires que l'on ne peut plus contester. C'est ainsi que réimposée à la France par vingt cinq ans de troubles et de révolutions, qu'elle seule pouvait faire cesser la légitimité veut enfin se rasseoir sur ce trône antique dont l'ébranlement fut le signal de nos calamités et la chute — l'époque la plus effroyable de notre histoire. Рѣчь Labourdonnaye 15 мая 1820 г. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXVII, p. 603.

ственныя учрежденія и надѣляетъ ихъ полномочіями, вооружающими ихъ жизнью и дѣеспособностью.

Второй элементъ образуетъ собою тѣ отдѣльныя полномочія, которыми надѣляются государственныя учрежденія для осуществленія ими различныхъ государственныхъ задачъ — задачъ управленія, суда и законодательства.

Первый изъ этихъ элементовъ, суверенная власть, съ изданіемъ хартіи не претерпѣлъ никакихъ измѣненій. Остались безъ перемѣны и содержаніе и носитель суверенитета; за монархомъ и по изданіи хартіи остались учредительная и высшая распорядительная власть безо всякаго сокращенія и измѣненія. Съ введеніемъ конституціоннаго строя измѣнился лишь второй элементъ государственной власти — измѣнились организація, компетенція и порядокъ дѣятельности государственныхъ учрежденій, которымъ делегированы судебная власть и нѣкоторыя функціи законодательной власти.

Суверенная власть по ученію роялистовъ и въ конституціонной Франціи осталась за монархомъ. Онъ творецъ всѣхъ государственныхъ учрежденій и источникъ всѣхъ ихъ полномочій. И октроированіе хартіи является однимъ изъ наиболѣе важныхъ и яркихъ проявленій этого суверенитета.

«Я какъ депутатъ Франціи, торжественно заявляетъ Марселюсъ, въ рѣчи, произнесенной имъ 11 января 1822 г., я, какъ депутатъ Франціи, заявляю, что во Франціи не существуетъ авторитета, который не вытекалъ бы изъ высшаго легитимнаго авторитета, — авторитета короля, что сама хартія существуетъ только въ силу этого авторитета, что, слѣдовательно, и наши полномочія, которыя вытекаютъ непосредственно изъ хартіи, въ дѣйствительности имѣютъ своимъ источникомъ авторитетъ короля, ибо онъ намъ ее пожаловалъ, онъ намъ ее октроировалъ» (Т. XXXIV, стр. 26). «Король, говоритъ Пасторе, дарованіемъ хартіи делегировалъ рядъ существенныхъ полномочій, но къ этимъ делегированнымъ полномочіямъ и сводятся всѣ тѣ права, отъ осуществленія которыхъ онъ отказался. Все, что въ хартіи не было формально даровано имъ, все это имъ сохранено. Поэтому каждый разъ, когда въ хартіи нѣтъ достаточнаго опредѣленія по тому или другому вопросу, во всѣхъ этихъ случаяхъ необходимо за разрѣшеніемъ сомнѣнія обращаться къ престолу, т.-е. къ тому авторитету, который призванъ регулировать, рѣшать, предписывать. Эта неизбѣжная охраняющая власть можетъ принадлежать лишь тому, который является первоначальнымъ носителемъ и источникомъ всѣхъ властей»[1]).

[1]) Le Roi a fait par la Charte des délégations importantes, mais les pouvoirs

Вся верховная власть изначала принадлежала королю: октроированной имъ конституціей онъ осуществленіе нѣкоторыхъ изъ полномочій предоставилъ учрежденіямъ и прежде всего народному представительству. Права послѣдняго суть, такимъ образомъ, делегированныя полномочія, имѣющія свой источникъ въ королѣ. Король продолжаетъ отправлять всѣ гѣ права, которыя имъ не предоставлены палатамъ. Эти права монарха, такимъ образомъ, принципіально самородны, всеобъемлющи, права же парламента точно ограничены и представляютъ собою полномочія, делегированныя королемъ и въ его волѣ имѣющія свой предѣлъ и свои основанія.

Что верховная власть первоначально во всей своей полнотѣ принадлежала легитимному королю, это положеніе подчеркивается неоднократно роялистами въ ихъ парламентскихъ заявленіяхъ. Мы привели выше категорическое заявленіе Марселюса, сдѣланное имъ на засѣданіи палаты депутатовъ 22 января. Не менѣе рѣ-

---

délégués sont les seuls dont il ait abandonné l'exercice. Tout ce qui n'a pas été formellement donné par lui il l'a conservé. Ainsi toutes les fois que la Charte n'offre pas sur les questions qui se présentent une disposition précise, c'est au trône qu'il faut remonter pour trouver l'autorité qui doit régler, décider, prescrire. Ce pouvoir indispensable et protecteur ne peut être que dans celui qui est le dépositeur premier et la source de tous les pouvoirs. Arch. parl. 2-ème Série. T. XL, p. 47. Въ этихъ словахъ съ полной опредѣленностью формулируется положеніе, которое впослѣдствіи было усвоено нѣмецкимъ ученіемъ о суверенитетѣ короля и которое и до сего времени является основнымъ догматомъ германской конституціонной доктрины. «Ограничивающіе факторы говоритъ, напримѣръ, Аншютцъ, основаны quali et quanto на конституціи и только на ней, монархическая же власть конституціей не обосновывается, а ею лишь ограничивается. При возникновеніи спорныхъ вопросовъ объ объемѣ правъ короля и въ особенности въ спорахъ о компетенціи между короной и народнымъ представительствомъ этимъ принципомъ создается презумпція, которая говоритъ въ пользу неограниченной власти короны и противъ компетенціи всѣхъ организующихъ факторовъ и въ особенности противъ компетенціи народнаго представительства. Монархъ, такимъ образомъ, ни съ кѣмъ не раздѣляетъ государственной власти по праву (quo ad jus), а одинъ призванъ осуществлять эту власть, поскольку изъ этого общаго правила конституція не дѣлаетъ исключенія, т.-е. поскольку осуществленіе извѣстныхъ верховныхъ правъ не предоставлено конституціей другимъ органамъ (народному представительству, судамъ, министрамъ, государственному совѣту). Монархъ и по сіе время представляетъ государство и престолъ полностью, по скольку не можетъ быть указанъ ограничивающій его факторъ; между тѣмъ какъ народное представительство, наоборотъ, для обоснованія своей компетенціи должно каждый разъ ссылаться на особое постановленіе конституціи (Anschütz. Gegenwärtige Theorien über den Begriff der gesetzgebenden Gewalt und dem Umfang des königlichen Verordnungsrechts nach preussischem Staatsrecht. 1902. s. 4). Этими разсужденіями Аншютцъ формулируетъ воззрѣніе на отношеніе короля къ народному представительству, которое раздѣляется всѣми истолкователями нѣмецкаго конституціоннаго права. Ср. Seydel, Bayerisches Staatsrecht. T. II. S. 4. Zöpfl, Grundsätze des gemeinen deutschen Staatsrechtes, 5 Aus. II B. S. 247. Zachariae, Deutsches Staats und Bundesrecht. I B., S. 83. G. Meyer, Lehrbuch des deutschen Staatsrechts. 6 Aus., S. 245—246. Ronne-Zorn, Das Staatsrecht der preussischen Monarche». B. I, S. 206. Эти воззрѣнія нѣмецкихъ государствовѣдовъ приведены въ книгѣ проф. А. С. Алексѣева, Къ вопросу о юридической природѣ власти монарха въ конституціонномъ государствѣ, стр. 21—22.

шительно высказался и Пардессюсъ въ томъ же засѣданіи 22 января. «Король, сказалъ онъ, далъ намъ хартію свободно: до хартіи онъ былъ полновластнымъ владыкой. Всѣ власти вытекли, такимъ образомъ, изъ власти короля; утверждать поэтому, что эти власти основываются на хартіи и въ ней имѣютъ свой источникъ, это значитъ кощунственно относиться къ самой хартіи»[1]).

Полномочія верховной власти по своему источнику сосредоточены въ лицѣ монарха; дарованіемъ хартіи онъ лишь видоизмѣнилъ порядокъ осуществленія нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Какія же полномочія остались въ рукахъ монарха, т.-е. осуществляются имъ самостоятельно, безъ участія другихъ факторовъ, и какія предоставлены имъ учрежденіямъ, отправляющимъ ихъ подъ его руководствомъ и надзоромъ?

На этотъ вопросъ роялисты въ своихъ рѣчахъ даютъ вполнѣ точный отвѣтъ.

По отношенію къ законодательной власти, говоритъ, напр., Лучернъ, въ произнесенной имъ 14 января 1817 г. рѣчи, король отказался отъ своего права единолично предписывать законы[2]). Онъ добровольно опредѣлилъ, что эту власть будетъ осуществлять не иначе, какъ при содѣйствіи палатъ и съ ихъ согласія... Не возбуждаетъ сомнѣнія и порядокъ осуществленія судебной власти. Король отказался отъ права личнаго суда. Что касается исполнительной власти, то отъ нея король не отказался и не подѣлилъ ея съ палатами. Исполнительная власть принадлежитъ одному королю: она принадлежитъ ему всецѣло и нераздѣльно, и ни одно изъ ея полномочій никому другому, кромѣ короля, принадлежать не можетъ.

Но не является ли ограниченіе власти короля палатами въ области законодательства умаленіемъ его суверенитета? Не существуетъ ли внутренняго противорѣчія между догматомъ самоограниченія власти короля и между правомъ палатъ участвовать въ установленіи законовъ? Не является ли иллюзорной власть короля — самому установлять предѣлъ своей власти, разъ опредѣленіе этихъ предѣловъ зависитъ отъ закона, который можетъ состояться лишь при участіи палатъ? Это было бы такъ отвѣчаютъ роялисты, если бы подъ законодательной властью понималась бы и власть учредительная, но именно послѣдняя въ компетенцію парламента не входитъ. Власть учредительная, какъ непосредственное проявленіе

---

[1]) Arch. parl. 2-ème Série T. XXXIV, p. 27.

[2]) Par rapport au pouvoir législatif le Roi s'est ôté le droit de dicter seul les lois. Il s'est soumis volontairement à n'exercer ce pouvoir que conjointement avec les deux Chambres et avec leur assentiment. Arch. parl. т. XVIII, p. 33—34.

суверенитета, неотчуждаема и ни при какихъ условіяхъ делегирована быть не можетъ.

«Король, говоритъ де ла-Рошфуко въ своей рѣчи, произнесенной имъ въ палатѣ перовъ 5 мая 1824 года, даруя намъ хартію, образующую нашу дѣйствительную конституцію, видоизмѣнилъ только свою законодательную власть. Онъ не предоставилъ этой законодательной власти, которую называютъ французскимъ парламентомъ, учредительной власти или права пересмотра конституціи, что собственно сводится къ одному и тому же, ибо это послѣднее право, хотя и представляетъ собою спеціальное полномочіе, является, однако частью учредительной власти, отъ которой король не думалъ отказываться. Даруя хартію, король не совершилъ акта законодательнаго, онъ совершилъ актъ суверенитета и учредительной власти, которая является проявленіемъ суверенитета»[1]). Власть суверенная по существу своему власть верховная, безусловно свободная, никѣмъ и ничѣмъ не могущая быть стѣсненной. Издавая хартію, король ничѣмъ не былъ стѣсненъ; и если онъ связанъ ея опредѣленіями, то онъ ихъ установилъ самъ и совершенно свободно. Оставшись сувереномъ. онъ сохранилъ за собою верховенство, а слѣдовательно и право такъ же свободно видоизмѣнять хартію, какъ свободно онъ ее издалъ. «Я думаю, говоритъ Кастельбайакъ, (22 января 1822 г.), что король былъ воленъ даровать намъ хартію или нѣтъ: никто не имѣлъ права отъ него ее потребовать. И я думаю, что съ той минуты, какъ онъ намъ ее октроировалъ, онъ самъ ограничилъ себя въ осуществленіи своей власти»[2]).

Если король и по дарованія хартіи остался суверенным и главное проявленіе этого суверенитета, власть учредительная, осталась за нимъ, то, съ точки зрѣнія роялистовъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что право и пересмотра конституціи принадлежитъ всецѣло монарху. «Пересмотрѣть тотъ или другой параграфъ хартіи, говоритъ де ла-Рошфуко, это то же самое, что внести въ нее новую статью; это, другими словами, значитъ осуществлять ту же

[1]) Le Roi en nous donnant la Charte qui fait notre constitution actuelle, n'a modifié que son pouvoir législatif, il n'a point donné à ce qu'on veut appeler le parlement français, à ce pouvoir législatif le pouvoir constituant ou de révision de la Charte, ce qui est la même chose; car ce droit, quoique spécial, serait encore une partie du pouvoir constituant que le Roi n'a pas prétendu abandonner. Ce n'est point un acte législatif qu'a fait le Roi en fondant la Charte, il a fait acte de sa souveraineté et du pouvoir constituant qui en dérive. Arch. parl. Tome XL, p. 309.

[2]) Je crois que le Roi était maître de nous donner ou de ne pas nous donner la Charte: nul n'avait le droit de la lui demander. Je pense que, du moment où il nous l'a octroyée, il a limité lui-même l'exercice de son pouvoir, dans les attributions, qu'il s'est réservées par cette loi devenue par sa volonté et nos serments loi fondamentale. Рѣчь Castelbajac'a 22 января 1822 г. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXXIV, p. 131.

учредительную власть, въ силу которой король даровалъ саму хартію»[1]). Это право пересмотра конституціи королемъ вытекаетъ, съ точки зрѣнія роялистовъ, изъ слѣдующихъ соображеній. Пересмотръ конституціи, разсуждаютъ они, не предусмотрѣнъ хартіей, которая о немъ совершенно умалчиваетъ. Королю же принадлежатъ всѣ полномочія власти, которыя нарочито не предоставлены палатамъ особыми постановленіями и хартіей. Разъ поэтому хартія не опредѣляетъ особо порядокъ пересмотра конституціи, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что установленіе этого порядка зависитъ исключительно отъ усмотрѣнія короля. «Король, говоритъ де ла-Рошфуко, сохранилъ за собою власть облекать правомъ участія въ пересмотрѣ конституціи ту совокупность людей, которая ему укажетъ его мудрость, подчинить осуществленіе этого важнаго права тѣмъ формальностямъ, которыя онъ сочтетъ нужными»[2]).

Участіе палатъ въ обыкновенномъ законодательствѣ есть ихъ право, безспорно закрѣпленное за ними хартіей, участіе же ихъ въ пересмотрѣ хартіи не образуетъ ихъ права, а какъ проявленіе учредительной, т.-е. суверенной власти, принадлежитъ принципіально королю. Если же мы видимъ, что палаты тѣмъ не менѣе въ извѣстныхъ случаяхъ привлекаются къ пересмотру конституціи и принимаютъ участіе въ обсужденіи поправокъ, вносимыхъ королемъ въ конституцію, то это участіе не входитъ въ ихъ нормальную

---

[1]) Réviser un article de la Charte c'est la même chose que d'y faire un article nouveau, c'est exercer un pouvoir semblable à celui qui a fait la Charte elle-même, c'est user du pouvoir constituant... Louis XVIII, agissant comme héritier légitime de soixante rois, seul possesseur du pouvoir suprême, et developpant dans toute sa plénitude l'autorité législative, qui résidait dans lui octroya la Charte à ses peuples... Ce qu'il fit pour la création de la Charte, il le fait avec plus de régularité et de solemnité encore pour la perfectionner. Est-il étonnant que dans une Charte composée de 76 articles, il se trouvât des choses imparfaites... Le Roi s'était-il donc engagé irrévocablement à n'y faire jamais aucun changement, lors même qu'il serait reclamé par l'intérêt de tous? Le Roi n'a-t-il pas le droit de faire à ce sujet une proposition? Les Chambres n'ont-elles pas le droit de l'écouter et de l'examiner, et le Roi n'a-t-il pas enfin le droit d'adopter ou de rejéter leur détermination? En faut-il davantage pour qu'il continue d'exercer ce qu'on appelle le pouvoir constituant...» T. XL, p. 309. Ср. Vaublanc, 8 іюня 1824 г.: Le pouvoir constituant n'étant pas exprimé dans la Charte, ne peut appartenir qu'au monarque. En vertu de ce pouvoir dans les circonstances graves, après une crise terrible, le monarque médite un changement à la Charte, il l'annonce, mais il déclare ensuite, qu'il redoute des innovations si promptes. Il détermine enfin à proposer, après dix années d'expérience, ce changement que nous discutons. Pouvez vous desirer une plus sage lenteur... Arch. parl. T. XLL. p. 310.

[2]) Le Roi s'est donc réservé le droit et la faculté d'investir de ce pouvoir telle association d'hommes que sa sagesse voudra choisir, de la soumettre pour l'exercice de ce grand pouvoir, à telle ou telle formalité qu'il croirait prudent de prescrire puisque encore une fois par la Charte même il n'en a pas envesti les Chambres et puisque la Charte n'indique aucun moyen de sa revison. Рѣчь, произнесенная въ палатѣ перовъ 5 мая 1824 г. Arch. parl. 2-ème Série. T. XL, p. 309.

компетенцію, не является ихъ правомъ, а представляетъ собою полномочіе, предоставленное королемъ какъ милость, предѣлы и степень которой зависятъ отъ него[1]).

«Хартія, заявляетъ Пасторе въ палатѣ перовъ 7 мая 1824 г., не есть законъ, который сдѣлали бы мы; хартія предшествуетъ нашему политическому бытію; насъ, какъ партіи перовъ, не существовало, когда хартія была задумана и составлена, не мы ее создали, а мы ею созданы: мы не можемъ, очевидно, истолковывать актъ, который не отъ насъ исходитъ. И если мы теперь участвуемъ въ обсужденіи проектированной поправки, то только потому, что король предложилъ намъ ее на обсужденіе. Король — верховный законодатель, существовавшій до палатъ, которыя онъ создалъ: онъ не хотѣлъ и не могъ хотѣть допустить обсужденія палатами закона, не имъ вызваннаго, и притомъ того закона, который является основнымъ закономъ государства и творцомъ котораго является онъ и только онъ. Иниціатива такого закона не можетъ принадлежать палатамъ. Она отнюдь конституціонной хартіей не разрѣшается, не допускается. 19 статья хартіи говоритъ лишь о правѣ палатъ ходатайствовать передъ королемъ о возбужденіи того или другого законодательнаго вопроса и указывать его желательное содержаніе».

Учредительная власть принадлежитъ всецѣло королю, но она проявляется не только въ томъ, что король является творцомъ конституціонныхъ законовъ и что только онъ имѣетъ право пересматривать ихъ и вносить въ нихъ поправки, но и въ томъ, что онъ властенъ привлекать къ предварительному обсужденію этихъ измѣненій и поправокъ тѣ учрежденія и ассоціаціи лицъ, голосъ которыхъ можетъ быть сочтенъ имъ полезнымъ. Такими учрежденіями и ассоціаціями могутъ быть, если будетъ на то воля короля, и палаты. Но ихъ участіе въ обсужденіи внесенныхъ королемъ поправокъ въ хартіи ничего общаго не имѣетъ съ учредительной властью, въ которой появляется верховенство суверенитетъ короля. Если право иниціативы обыкновенныхъ законовъ является прерогативой короля, и палаты имѣютъ лишь право ходатайства передъ королемъ о внесеніи имъ того или другого закона съ указа-

[1]) Pastoret, 22 апр. 1824 г.: «Dans un pays où la Constitution a été établie par le Roi seul qu'il appartient de proposer à cet égard les changements, qu'il peut croire utiles. Seul il le fit en 1815: mais lui-même annonce qu'il voulait qu'aucune modification à la Charte ne puisse devenir définitive qu'après que le pouvoir législatif dans son ensemble l'aurait adoptée. И дальше: en s'associant les Chambres pour ce noble travail... il a fait partager l'exercice de ce pouvoir primitif et créateur, qui n'avait résidé qu'en lui-même: il l'a fait partager aux Corps qui, d'après la Constitution qu'il avait donnée, doivent ordinairement s'unir à lui pour la confection ou la discussion des lois, et c'est lui-même qui s'est imposé cette obligation par plusieurs actes de sa volonté... Arch. parl. T. XL, p. 47.

ніемъ его желательнаго содержанія, то тѣмъ ограниченнѣе права палатъ въ области конституціоннаго законодательства. Право иниціативы основныхъ законовъ исходитъ исключительно отъ короля и только онъ можетъ указать на желательное ихъ содержаніе.

«Наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ оберечь хартію, говоритъ Воблант въ своей рѣчи отъ 8-го іюня 1824 г., это — сохранить въ полной цѣлости и неприкосновенности тотъ основной принципъ, по которому ни одно измѣненіе не можетъ быть сдѣлано иначе, какъ по предложенію монарха. Въ этомъ принципѣ выражается власть монарха во всей ея силѣ, во всемъ ея величіи»[1]).

V.

Политическія воззрѣнія либераловъ.

Переходя отъ доктрины роялистовъ къ политическимъ воззрѣніямъ либераловъ[2]), мы входимъ въ совершенно новый міръ идей и представленій, ничего общаго не имѣющій съ міросозерцаніемъ ревнителей стараго порядка.

Если для послѣднихъ государство отожествлялось съ государемъ и верховная власть была личнымъ достояніемъ монарха, то для либераловъ государство представляло собою общественное достояніе, а государственная власть являлась выраженіемъ общественнаго самоопредѣленія. Политическіе дѣятели новой Франціи относились безусловно отрицательно къ политическимъ догматамъ, на которыхъ покоился старый порядокъ, и въ своихъ сужденіяхъ были свободны отъ тѣхъ предразсудковъ и предвзятыхъ мнѣній, которыми были проникнуты доктрины роялистовъ.

«Магическія формулы, которыя были въ ходу при старомъ порядкѣ, говоритъ Манюэль, потеряли въ наше время свою силу и должны

---

[1]) «Le moyen de conserver la Charte c'est de conserver dans son entier le principe fondamental, qui veut que nul changement ne puisse être fait que d'après la proposition du monarque. Là est la monarchie dans toute sa force dans toute sa grandeur». Arch. parl. T. XL, p. 310. «Le Roi peut empêcher la demande de naître, car elle ne peut naître que par lui. Discutée et adoptée par les deux Chambres, il peut encore l'empêcher d'acquérir ce haut caractère qui imprimera subitement l'obéissance à tous, car elle doit être sanctionnée par lui pour devenir loi. Ce sont les ancres salutaires, que la constitution oppose aux dangers d'un excès de pouvoir que les Chambres s'attribueraient ou à une extension donnée par leurs modifications aux mesures d'abord proposées au nom du Roi. Сравн. рѣчь Пасторе въ палатѣ перовъ 22 апрѣля 1824 г. Arch. parl. 2-ème Série. T. XL p. 47.

[2]) Подъ либералами мы понимаемъ тѣхъ политическихъ дѣятелей эпохи реставраціи, которые исповѣдывали государственно-правовые принципы, провозглашенные революціей и которые были объединены ненавистью къ политическому строю абсолютной монархіи.

замолкнуть передъ общественнымъ разумомъ, передъ сознаніемъ реальныхъ интересовъ общества. Если бы рѣчь шла о томъ, чтобы впервые установить основы общественности, тогда еще можно было бы прибѣгать къ этимъ магическимъ словамъ, но теперь, когда приподнята завѣса, покрывавшая дѣйствительность, теперь было бы нелѣпо и смѣшно снова за нею укрываться. Нужно искать новыя точки опоры. Божественное происхожденіе власти, ея всемогущество во всякомъ случаѣ такими точками опоры болѣе служить не могутъ»[1]). Не можетъ служить такой точкой опоры и пресловутое начало легитимизма. «Если подъ легитимизмомъ, говоритъ Ламетъ, понимать закономъ установленный порядокъ престолонаслѣдія, то легитимизмъ въ этомъ смыслѣ признается и либералами, но если съ этимъ словомъ связываютъ догматъ божественнаго происхожденія власти, по которому народы — собственность монарха, а его воля замѣняетъ собою законъ, то эту доктрину мы безусловно отвергаемъ, доктрину, исповѣдываніе которой не безъ основанія англичане признавали величайшимъ преступленіемъ, государственной измѣной»[2]).

«Хартія, поясняетъ Роде, есть дѣйствительный отказъ отъ мнимой абсолютной власти. Она представляетъ собою безповоротное отреченіе отъ пережившихъ себя воззрѣній феодализма, по которымъ въ лицѣ монарха сосредоточивалась власть и право произвольно располагать личностью и имуществомъ гражданъ»[3]).

Либералы противопоставляли началу самодержавія монарха принципъ общественнаго самоопредѣленія народа. «Народы, говоритъ Ройе Колларъ, суверенны въ томъ смыслѣ, что ими не владѣютъ какъ территоріями, а что они принадлежатъ

---

[1]) «Croyez-moi, Messieurs, les mots magiques ont perdu leur pouvoir devant la raison publique, devant la raison universelle, devant la conscience des besoins réels de la société. Si, pour la première fois il s'agissait d'établir les fondements de la société ces mots magiques pourraient être employés: mais une fois que le voile a été soulevé, il ne peut plus être déchiré: il serait absurde et ridicule de vouloir le replacer de nouveau: il faut chercher d'autres points d'appui. Le droit divin, sa toute puissance n'en sont plus. Entendez mieux les intérêts de la société, qui veut la liberté parce qu'elle veut l'ordre de la société, ou le peuple a peut-être plus besoin de l'ordre, parce qu'il lui est nécessaire pour travailler et pour vivre». Arch. parl. T. XXXIV, p. 225.

[2]) «Si par le mot de légitimité vous entendez l'hérédité, la succession au Trône de mâle en mâle par ordre de primogéniture à l'exclusion des femmes, nous professons tous sincèrement cette doctrine: mais si vous voulez la rattacher au dogme d'un droit divin, d'après lequel les peuples seraient la propriété du monarque et sa volonté mise à la place de la loi, nous le *dec* arons, jamais nous n'adopterons une théorie que les Anglais ont qualifiée de crime de haute trahison». Рѣчь 11 января 1822 г. 2-ème Série. T. XXXIV, p. 26.

[3]) ... abdication réelle d'un prétendu pouvoir absolu, une renonciation définitive à ces antiques de maximes de la féodalité, qui supposait, dans la personne du monarque, le pouvoir et le droit de disposer arbitrairement des personnes, des propriétés des citoyens. Arch. parl. T. XXVII, p. 676.

самимъ себѣ, что они въ силу естественнаго права черпаютъ въ самихъ себѣ средства для охраненія своего существованія, для обезпеченія своего благосостоянія; народъ суверенень, далѣе, въ томъ смыслѣ, что общественное признаніе есть единственное прочное основаніе всякаго правительства, которое существуетъ только черезъ народъ и для народа».

Видя въ признаніи общества единственное прочное основаніе власти и уважая въ голосѣ народа авторитетъ, съ которымъ правительство должно безусловно считаться, либералы не видѣли, однако, въ этомъ авторитетѣ абсолютнаго начала. Они безусловно отвергали ученіе о неограниченности государственной власти и выставляли однимъ изъ важнѣйшихъ принциповъ своей доктрины начало правовой связанности государства.

Въ современномъ обществѣ, учили они, нѣтъ неограниченной власти и господствовавшій при старомъ режимѣ догматъ всемогущества государства долженъ быть безусловно отвергнутъ. Власть общественнаго союза находитъ свой необходимый предѣлъ въ естественныхъ неотъемлемыхъ правахъ членовъ этого союза.

«Существуютъ, восклицаетъ Лафайетъ, естественныя права, права, покоящіяся на всегда себѣ равной справедливости, права, которыя ни для какой власти недосягаемы, ни даже народу въ цѣломъ»[1]). «У насъ, говоритъ Ройе Колларъ, всегда существовали права, которыя признавались неприкосновенными и которыя были недосягаемы и суверенной законодательной власти»[2]).

Ихъ неприкосновенность гарантируется не только тѣмъ, что власть короля перестала быть абсолютной и что законодательныя полномочія распредѣляются между нѣсколькими другъ друга уравновѣшивающими областями, они обезпечиваются и тѣмъ, что отвергнута самая доктрина безпредѣльности власти, и что современный строй признаетъ лишь полномочія ограниченныя, находящія свой предѣлъ въ хартіи, ставящей во главу угла своихъ опредѣленій неприкосновенность основныхъ правъ гражданъ. «Недостаточно, говоритъ Ройе Колларъ, для политической свободы народа, чтобы государственная власть была распредѣлена между нѣсколькими властями, какова бы ни была ихъ природа и каково бы ни было ихъ происхожденіе. Распредѣленіе властей есть, конечно, фактъ первостепенной важности, онъ имѣетъ очень важныя послѣдствія для власти короля, которую онъ существенно мѣняетъ; но построенное на немъ правительство, хотя и раздѣленное между нѣсколькими элементами, въ отношеніи къ своему воздѣйствію все же остается

[1]) Рѣчь Лафайета, 27 мая 1820 года. Arch. parl. T. XXVIII, p. 152.
[2]) Рѣчь Ройе Коллара. Archives parlementaires. T. XXXIV, p. 132.

единымъ, и если оно не встрѣчаетъ извнѣ никакихъ преградъ, съ которыми оно должно считаться, то оно, какъ бы вы его ни называли, становится абсолютнымъ, народъ и его права поступаютъ въ его произвольное распоряженіе, низводятся на степень его частнаго достоянія. Указывая на эти опасныя послѣдствія, я вовсе не декламирую, а излагаю выводы раздѣляемой многими извѣстной доктрины парламентскаго всемогущества (omnipotence parlementaire), доктрину опасную, вышедшую изъ среды разлагающагося общества, истинную доктрину деспотизма и революціи, гибельную именно тѣмъ, что она отрицаетъ незыблемость основныхъ законовъ и не признаетъ неотъемлемости правъ народа» [1]).

Въ конституціонной Франціи, по ученію либераловъ, нѣтъ абсолютной власти и нѣтъ органа, который обладалъ бы неограниченными полномочіями; всѣ власти покоятся на хартіи, которая является послѣднимъ основаніемъ ихъ авторитета, и всѣ онѣ обладаютъ лишь той степенью власти, которая отмежевана имъ хартіей. И въ этомъ отношеніи нѣтъ никакого различія между монархомъ и парламентомъ. Его власть, какъ и власть обѣихъ палатъ, основана на законѣ и ограничена закономъ. И онъ, какъ и палаты, обладаетъ лишь тѣми правами, которыя закрѣплены за нимъ хартіей. Въ государствѣ стараго порядка господствовали люди, ихъ воля, ихъ капризы; въ современномъ же государствѣ должно воцариться право, регулирующее общественные интересы на началахъ справедливости.

«Въ обществѣ существуютъ два элемента, говоритъ Ройе Колларъ, одинъ матеріальный — это человѣкъ, его сила и его воля; другой духовный — это право, вытекающее изъ законныхъ интересовъ. Свободныя конституціи имѣютъ своею цѣлью положить конецъ господству силы и обезпечить господство справедливости» [2]).

Ставъ на эту точку зрѣнія, Ройе Колларъ вмѣстѣ со своими единомышленниками вооружается противъ доктрины народнаго верховенства въ смыслѣ абсолютнаго народовластія. «Суверенитетъ народа, по словамъ Ройе Коллара, это тотъ же суверенитетъ грубой силы, который мы осуждаемъ въ абсолютной монархіи — суверенитетъ безъ правилъ и безъ границъ, безъ обязанностей и безъ совѣсти, суверенитетъ, для котораго нѣтъ ни добра, ни зла, ни прошлаго, ни будущаго...» [3]) «Сила принуждаетъ, но не обязываетъ; способность обязывать есть свойство, присущее суверенитету

[1]) Рѣчь отъ 22 января 1822 года. Archives parlementaires. T. XXXIV, p. 132.

[2]) Barante. La vie politique de Royer-Collard. Ses discours et ses écrits. Troisième édition. Tome II, p. 33.

[3]) Тамъ же, стр. 463.

другого порядка. Воля одного, воля многихъ, воля всѣхъ — все это не что иное, какъ физическая сила лишь различной степени; по отношенію къ нимъ никто не обязанъ чи повиновеніемъ, ни даже малѣйшимъ уваженіемъ. Общество, продолжаетъ Ройе Колларъ, не представляетъ собою сумму индивидовъ, сумму воль; оно объединено болѣе крѣпкой связью, и этой связью является право, привилегія человѣчества и тѣ законные интересы, которые въ правѣ находятъ свое покровительство и свою защиту (et les intérêts légitimes qui naissent du droit). Право не порождено силой, а вытекаетъ изъ справедливости, которая является верховнымъ судьей интересовъ. Подъ ауспиціями права слагается общество, чтобы развѣнчать силу и ея владычество замѣнить господствомъ справедливости». Отвергая абсолютную власть, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась, ратуя какъ противъ суверенитета монарха, такъ и противъ суверенитета народа, либералы признавали верховнымъ принципомъ современнаго государства начало законности — господство права во всѣхъ сферахъ общественной жизни. «Истиннымъ сувереномъ въ государствѣ, говоритъ Манюэль, является законъ и этому суверену подчиненъ король въ такой же степени, какъ и остальные граждане»[1]). «Законность, говоритъ Ройе Колларъ, это — самая глубокая изъ идей, когда-либо проникшихъ въ общество: идея самая глубокая и самая плодотворная.

Въ образѣ, вызывающемъ чувство почтенія, она дѣлаетъ для всѣхъ ощутимымъ право на благородный удѣлъ, данный человѣческому роду — право, безъ котораго на землѣ есть лишь жизнь, лишенная достоинства, и смерть, лишенная надежды»[2]).

«Если законъ суверененъ, то суверенитетъ, учитъ Манюэль, находится въ рукахъ тѣхъ, отъ которыхъ исходитъ этотъ законъ»[3]).

Суверенитетъ въ смыслѣ верховнаго авторитета въ государствѣ принадлежитъ закону, какъ предписанію права; суверенитетъ же

---

[1]) ... que nos adversaires viennent nous dire s'il existe un autre souverain que celui, qui fait les lois, si la loi n'est pas le véritable souverain, si le Roi n'y est pas soumis comme les autres citoyens. Arch. parl. T. XXX, p. 409. Рѣчь Манюэля 20 марта 1821 г.

[2]) Elle rend sensible à tous dans une image reverée le droit ce noble apanage de l'espèce humaine, le droit sans lequel il n'a rien sur la terre qu'une vie sans dignité et une mort sans espérances. Arch. parl. 2-ème Série T. XXVIII, p. 659.

[3]) Aussi, il n'y a pas de la Charte, pas de gouvernement représentatif, si la souveraineté réside seulement dans celui qui nous a donné la Charte... Si la loi est souveraine, c'est dans ceux qui font la loi que réside la souveraineté. Du reste, c'est une observation que je fais: elle est plus importante que vous ne sauriez le croire; car voyez où conduit le système contraire. Si la souveraineté continue à résider dans le Roi, il a donc le pouvoir de refaire ce qu'il a fait une fois: la Charte peut donc être révoquée. Contestez ces conséquences. Archives parlementaires. T. XXX. p. 402. Рѣчь, произнесенная Манюэлемъ 20 марта 1821 года.

въ смыслѣ высшей распорядительной власти, осуществляемой людьми, принадлежитъ тѣмъ органамъ, которые установляютъ эти законы. Этими органами въ современной Франціи, согласно конституціи, являются король и обѣ палаты.

Гастонъ де Рошфуко, въ рѣчи, произнесенной имъ 13 февраля 1828 г., задается вопросами: гдѣ же суверенитетъ и въ чемъ же выражается суверенитетъ короля и отвѣчаетъ на него слѣдующими разсужденіями: никто, конечно, не станетъ утверждать, что суверенитетъ проявляется въ исполнительной власти короля. Извѣстно, что исполнительная власть представляетъ собой ни что иное, какъ делегацію, и всѣ публицисты, какъ древности, такъ и новаго времени, согласны въ томъ, что эта исполнительная власть является делегаціей власти законодательной. Суверенитетъ короля можетъ поэтому выражаться только въ той долѣ законодательной власти, которую конституція государства ему отмежевала. Съ моей точки зрѣнія, продолжаетъ Рошфуко, законодательная власть со времени изданія хартіи была раздѣлена между тремя факторами, и никто не станетъ, конечно, утверждать, что законодательная власть, предоставленная палатѣ перовъ и палатѣ депутатовъ, имѣла бы другія свойства, чѣмъ та, которая отведена королю. Изъ этого съ несомнѣнностью вытекаетъ, что король суверененъ въ границахъ своихъ полномочій, а Вы суверенны въ предѣлахъ своихъ.

Либералы, отвергая суверенитетъ короля и признавая высшимъ авторитетомъ въ государствѣ — законъ, должны были относиться безусловно отрицательно къ воззрѣнію роялистовъ на хартію, какъ на свободный даръ неограниченнаго монарха. Они открыто заявляли, что способъ происхожденія хартіи, какъ его изображали роялисты, не вяжется съ фактическими условіями, при которыхъ Бурбоны были водворены на престолъ и при которыхъ состоялось изданіе конституціи 4 іюня 1814 г. Объ этихъ условіяхъ подробно распространяется Манюэль въ своей рѣчи, произнесенной имъ 22 января 1822 г. «Съ 1792 года, говоритъ онъ, Франція жила при правительствахъ, которыя стояли въ явной оппозиціи къ династіи Бурбоновъ. Эта династія вернулась во Францію послѣ длиннаго перерыва, среди несчастій, постигшихъ отечество. Она была совершенно неизвѣстна новому поколѣнію, которое въ режимѣ, существовавшемъ до 1789 г., видѣло порядокъ, противорѣчащій интересамъ большинства народа. Неудивительно, что при такомъ настроеніи династія Бурбоновъ была встрѣчена народомъ болѣе, чѣмъ недружелюбно»[1]).

[1]) Depuis 1792 la France vivait sous d'autres gouvernements, qui étaient en opposition manifeste avec la famille des Bourbons. J'ai dit que la famille

И если общество потомъ примирилось съ династіей Бурбоновъ, то потому, что она пошла навстрѣчу его желаніямъ: Сентъ-Уанской декларацiей она учредила конституціонный строй и подчинилась ему. Лѣтосчисленіе свободнаго строя нужно вести поэтому не со дня дарованія хартіи, а съ момента обнародованія декларацiи въ Сентъ-Уанѣ. Эта декларація, по словамъ Манюэля, заключаетъ въ себѣ зародышъ тѣхъ принциповъ, которые были затѣмъ развиты въ хартіи: она лишь воспроизводитъ ту систему, которую содержитъ въ себѣ сенатская конституція 6-го апрѣля[1]).

Видя въ изображеніи роялистами возникновенія хартіи легенду, не оправдывающуюся историческимъ ходомъ событій, либералы не придавали, однако, способу происхожденія конституціи рѣшительнаго значенія; они держались того правильнаго взгляда, который утверждаетъ, что тотъ или другой способъ изданія хартіи не предрѣшаетъ характера конституціи и что степень власти какъ монарха, такъ и парламента не зависитъ отъ того, октроирована ли хартія монархомъ или отвоевана народомъ, а обусловливается соотношеніемъ политическихъ факторовъ, вызвавшихъ государственный переворотъ, и содержаніемъ конституціи, формально закрѣпляющей этотъ переворотъ и дающей ему юридическое выраженіе. «Я не буду, говоритъ Беранже, пускаться въ разсужденіе о томъ различіи, которое будто бы существуетъ между конституціей, обязанной своимъ происхожденіемъ демократическому вліянію, и хартіей, редактированной одной только монархической властью; я думаю, что это различіе скорѣе искусственное, чѣмъ правильное, ибо всякая конституція, какъ бы она издана ни была, есть отвѣтъ на потребность и кѣмъ и какъ бы она издана ни была, она, чтобы быть прочной, должна соотвѣтствовать этой потребности»[2]). «Октроирована ли хартія или только признана королемъ, говоритъ Роде, она во всякомъ случаѣ стала теперь достояніемъ Французскаго народа, который ее принялъ, для котораго она стала предметомъ привязанности, правиломъ поведенія, основаніемъ его надеждъ на будущее. Сложилось соглашеніе между монархомъ и народомъ;

---

des Bourbons se représantant en France après un long intervalle, au milieu des malheurs de la patrie, inconnue à une génération, habituée à considérer ce qui existait avant 1789 comme en opposition avec l'intérêt de la masse des citoyens: que dans cet état on avait vu arriver cette famille avec répugnance... Je n'ai pas à contester les droits de la famille royale. Que ces droits existassent depuis plus ou moins longtemps, ce qu'il y a de certain, c'est qu'ils n'étaient plus réconnus en France; c'est qu'il existait alors quelque répugnance contre une famille nouvelle. Arch. parl. T. XXXIV, p. 301.

[1]) La déclaration de Saint-Ouen contient le germe des principes, développés dans la Charte et reproduit tout le système des constitutions du Sénat-conservateur. Arch. Parl. T. XXXIV, p. 301, 30 января 1822 года.

[2]) Arch. parl: 2-ème Série, T. LXV, p. 270.

оно матеріально вытекало изъ совпаденія интересовъ, формально же оно было закрѣплено присягой сторонъ: присягою короля, принцевъ, гражданъ, депутатовъ и министровъ; всѣ они дали клятву соблюдать хартію»[1]). И по словамъ Ланжюне, хартія есть, въ сущности, ни что иное, какъ соглашеніе между монархомъ и народомъ: «она, говоритъ онъ, заключаетъ въ себѣ ихъ взаимныя обязательства; въ ней прямо говорится, что она дана, какъ уступка желаніямъ подданныхъ, изъ необходимости итти навстрѣчу ихъ реальнымъ нуждамъ и считаться со вновь сложившимися условіями общественной жизни. Хартія была исторически необходима и въ этой исторической необходимости и въ обусловливаемой ею солидарности съ интересами общества и правовымъ сознаніемъ народа нужно видѣть ея главнѣйшее обоснованіе и надежнѣйшую опору». «Въ данную эпоху, говоритъ Ройе Колларъ, при данномъ состояніи общества, возможенъ лишь одинъ соотвѣтствующій этому состоянію образъ правленія. Для учрежденій народа существуютъ извѣстные неотразимые принципы, которые суть ни что иное, какъ необходимыя условія его существованія. Законная монархія и свобода суть абсолютныя требованія нашего образа правленія, потому что они являются абсолютными требованіями современной Франціи».

Хартія черпаетъ свою силу не въ авторитетѣ того, кто ее издалъ, а въ ея солидарности съ общественными требованіями. «Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ основано бытіе хартіи, спрашиваетъ Лафайетъ[2]), что возвело ее на степень общественнаго достоянія? Не религія же божественнаго права? Не начало же легитимитета? Нѣтъ, господа признаемъ, что если хартія, несмотря на свои антецеденты, несмотря на свои несовершенства, несмотря на свои истолкованія, какъ открытыя, такъ и конфеденціальныя, если хартія стала популярной среди насъ, то она этимъ обязана тому, что отвергла

---

[1]) Arch. parl. 2-ème Série. T. XXII, p. 676.

[2]) En effet, Messieurs, à quoi tient l'existence de la Charte? Qu'est-ce qui l'a élevée au rang de propriété nationale? Serait-ce la religion du droit divin? Mais plusieurs actes intérieurs étaient partis de la même source, avaient pendant dix-neuf ans invoqué le même talisman. Et cependant, sous la République ils n'avaient pas empêché qu'on ne jurât haine à la royauté; sous l'Empire, sans même parler d'un autre droit divin consacré par les puissances réligieuses et politiques d'alors, je ne sache pas que les appels à la légitimité parmi tant de ses zélateurs actuels, aient jamais déterminé personne à renvoyer au gouvernement de fait un porte-feuille d'homme d'Etat, un brevet militaire une place de magistrature, une croix épiscopale, un diplôme de comte, une clef de chambellan. Serait-ce la promulgation du 4 Juin? Mais quel Français ayant les sentiments de ses droits n'a pas ressenti la formule, par laquelle on traitait en affranchie la nation au moment où elle replacaitl'étendard royal à la tête de ses drapeaux chargés de lauriers? Serai-ce parce que cette Charte est arrivée à la suite des armées étrangères et a été depuis ramenée par elles. Mais il n'y a là, au contraire, que du désavantages. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXVIII, p. 152. Рѣчь Лафайета 27 мая 1820 г.

много доктринъ, надеждъ и декларацій контръ-революціонныхъ, что она явилась гарантіей индивидуальной свободы, свободы печати, свободы вѣроисповѣданій, равенства правъ, независимости суда присяжныхъ, неприкосновенности всѣхъ видовъ собственности; что она представляетъ собою и залогъ представительной системы, которая сдѣлала дѣйствительнымъ признаніе нашихъ правъ и плодовъ революціи[1]). Хартія не произвольное произведеніе верховнаго законодателя, не свободное выраженіе воли того или другого политическаго фактора, а естественный плодъ предшествующаго развитія, юридическій фактъ, формулировавшій и закрѣпившій на бумагѣ результатъ длительнаго историческаго процесса, юридическій актъ, являющійся отраженіемъ правосознанія современнаго общества. «Хотя хартія, говоритъ Бенжаменъ Констанъ, и была написана, и притомъ написана на нашихъ глазахъ, она тѣмъ не менѣе не произвольный актъ, не систематическая концепція отвлеченной мысли: она представляетъ собою внушительную дѣйствительность, она правдиво выражаетъ собою интересы, нравы, состояніе того общества, которымъ она предназначена была управлять»[2]). «Хартія, говоритъ Ройе Колларъ, представляетъ собою всю нашу исторію, это единственный и верховный фактъ. Въ силу своего происхожденія она недосягаема тѣмъ властямъ, которыя ею созданы, и какъ соглашеніе и умиротвореніе она нерушима, она незыблемый основной законъ и не теоріи мѣряться съ ней силами»[3]). «Хартія, восклицаетъ Бенжаменъ Констанъ, это трактатъ единенія, это союзный договоръ между народомъ, разочарованнымъ и образумленнымъ безпорядками и утомленнымъ

---

[1]) Convenons donc, Messieurs, que si la Charte malgré ses antécédents, ses imperfections, ses commentaires tant avoués que confidentiels, s'est réellement popularisée parmi nous, c'est parce qu'elle avait retracté beaucoup de doctrines, d'espérances, de déclarations contrerévolutionnaires: parce qu'elle avait été présentée par son auguste auteur comme une garantie pour la liberté individuelle, la liberté de la presse, la liberté des cultes, l'égalité des droits, l'indépendance du jury, l'inviolabilité de toutes les propriétés, et comme le gage d'un système représentatif avec lequel on pouvait rendre efficace cette réconnaissance récente de nos droits et des fruits de la Révolution. Arch. parl. T. XXVIII, p. 152.

[2]) Quoique la Charte soit écrite, et même que nous l'ayons vu écrire, elle n'est point arbitraire comme les conceptions systématiques de l'ésprit; il lui était imposé d'être vraie, d'exprimer fidèlement les intérêts, les mœurs, l'état de la société qu'elle devait régir. Рѣчь, произнесенная 17 мая 1820 г. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXVII, p. 655.

[3]) La Charte est maintenant toute notre histoire, elle est le fait unique et suprême. Par la hauteur de son origine elle est, dans le cours ordinaire des choses, au dessus de l'atteinte des pouvoirs qui sont son ouvrage; comme transaction et pacification elle est inviolable, comme loi fondamentale, ce n'est pas à la théorie de se mesurer avec elle. Рѣчь, произнесенная 3 іюня 1824 г. Arch. parl. 3-ème Série. T. XLI, p. 193.

политическимъ гнетомъ, и монархомъ, объявившимъ себя врагомъ абсолютной власти»[1]).

Имѣетъ ли законодательная власть въ лицѣ короля и двухъ палатъ право вносить поправки въ конституцію? На этотъ вопросъ всѣ либеральные ораторы, безъ различія оттѣнковъ, отвѣчаютъ отрицательно. Всѣ они исходятъ изъ того положенія, что хартія не есть простой законъ, который могъ бы быть отмѣненъ или видоизмѣненъ обычнымъ порядкомъ, а представляетъ собою конституцію, освящающую незыблемый правовой порядокъ, неприкосновенный для тѣхъ факторовъ, которые этотъ порядокъ установили.

Неприкосновенность хартіи для законодательной власти — это одинъ изъ основныхъ догматовъ либераловъ и въ этой неприкосновенности они видятъ главный залогъ устойчивости и прочности того государственнаго строя, который признала Франція и охраненіе котораго послѣ пережитыхъ ею потрясеній является существенной потребностью страны [2]).

«Если бы, говоритъ Делоне въ своей рѣчи, произнесенной 12 іюня 1820 года, мы поставили хартію на одну доску съ простыми законами и если бы отъ законодательной власти каждой сессіи зависѣло мѣнять ее или вносить въ нее поправки, то у насъ не было бы дѣйствительнаго общественнаго договора; коренныя основы нашего образа управленія постоянно бы мѣнялись; въ зависимости отъ смѣны различныхъ теченій въ общественномъ мнѣніи всѣ права, признанныя хартіей, и всѣ учрежденія, ею освященныя, стояли бы постоянно подъ вопросомъ, мы бы находились въ состояніи постоянной революціи, вмѣсто того чтобы разъ навсегда себя отъ нея оградить» [3]).

«Я допускаю возможность наступленія условій, при которыхъ измѣненія конституціи будутъ признаны необходимыми, говоритъ Манюэль, но я отрицаю, чтобы эти измѣненія могли быть сдѣланы тѣми тремя властями, которыя установлены хартіей. Если бы эти власти имѣли право мѣнять конституцію, то абсолютная власть

[1]) La Charte a paru, la Charte traité d'union, pacte d'alliance entre un peuple désabusé du désordre et lassé de la servitude, et un monarque qui se déclarait l'ennemi du pouvoir absolu. Рѣчь 8 іюня 1824 г. Arch. parl. T. XLI, p. 300.

[2]) Характерны слова генерала Foy, сказанныя имъ 4 іюня 1824 г. «La fixité est le motif, le but, le système de la Charte, disons mieux, c'est la Charte toute entière. Et cette Charte majestueusement descendue du trône de Saint Louis, cette Charte accueillie naguère par la bénédiction du peuple, cette Charte si souvent proclamée, le palladium de nos libertés, voilà qu'aujourd'hui on la traite comme on traiterait un expédient de finances ou un réglement de circonscription territoriale». Arch. parl. T. XLI, p. 210, 211. Ср. также рѣчь Dony, Arch. parl. T. XXVIII, p. 420.

[3]) Рѣчь Делоне 12 іюня 1820 г. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXVIII, p. 421.

продолжала бы существовать попрежнему и лишь перемѣнила бы своего хозяина; вся перемѣна свелась бы къ тому, что эта абсолютная власть вмѣсто того, чтобы сосредоточиться въ одномъ монархѣ, находилась бы въ рукахъ короля и двухъ палатъ»[1]). Измѣненія въ конституціи, если они въ исключительныхъ случаяхъ и допустимы, могутъ исходить лишь отъ власти высшаго порядка и путемъ особеннымъ, соотвѣтствующимъ важности пересматриваемаго акта. «Конечно, говоритъ Ланжюне, необходимо признать высшую власть, высшій предѣлъ политической организаціи. Но при конституціонномъ режимѣ эта власть (если только хотятъ, чего, конечно, нужно хотѣть, мѣнять конституцію, не разрушая ея), эта власть должна быть отличена отъ другихъ; она должна имѣть различныя формы, смотря по тому, идетъ ли рѣчь о второстепенномъ законѣ или о такомъ, который въ цѣломъ или въ части мѣняетъ конституцію»[2]).

И по мнѣнію Манюэля, должна существовать особая власть и особый порядокъ для пересмотра конституціи, отличный отъ законодательнаго порядка. «Необходимо, говоритъ онъ, въ такихъ случаяхъ признать другія начала, необходимо спеціальнымъ закономъ установить порядокъ пересмотра конституціи при помощи спеціальной власти, которая призвала бы народъ къ рѣшенію вопроса, нуждаются ли дѣйствительно данныя учрежденія въ предположенныхъ перемѣнахъ или нѣтъ»[3]).

Дальфонсъ и Делоне, первый въ рѣчи, произнесенной 24 мая 1820 года[4]), а второй въ рѣчи 12 іюня того же года[5]), не менѣе

[1]) Je conçois qu'il puisse arriver que des modifications à la Charte soient réconnues nécessaires, mais qu'elles puissent être faites par les trois pouvoirs établis par la Charte, c'est ce que je ne concéderai jamais... Alors, Messieurs, comme on nous l'a dit, le pouvoir absolu de faire et défaire n'aurait fait que changer de mains; il serait dans le Roi et les Chambres au lieu d'être dans le Roi lui seul. Рѣчь, произнесенная 30 января 1822 г. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXIV, p. 225. Ср. также рѣчь Лафайета 27 мая 1820 г. Тамъ же, т. XXVIII, p. 152.

[2]) Sans doute il faut reconnaître un pouvoir suprême, terme nécessaire de l'organisation politique. Mais dans le régime des constitutions, ce pouvoir, quand on veut, comme il faut le vouloir, changer la constitution sans la detruire, doit être diversifié dans les formes selon qu'il s'agit d'une loi sécondaire, ou d'une loi qui abroge en tout ou en partie cette constitution. Otez cette variété de formes, il n'y a plus de vrai partage, il n'y a plus de vraie divisions de pouvoir. Рѣчь, произнесенная 5 мая 1824 г. Arch. parl. 2-ème Série. T. XL, p. 319.

[3]) Il faut admettre d'autres bases, il faut établir par une loi spéciale un mode de révision par un pouvoir spécial, qui appelle la nation à juger si, en effet, ses institutions ont besoin d'être modifiées. Рѣчь, произнесенная 30 января 1822 г. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXXIV, p. 225. Ср. также рѣчь Dalphonse отъ 24 мая 1820 г. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXVIII, p. 83.

[4]) Il m'est donc impossible de me persuader que ceux qui n'ont reçu mission mandat que pour maintenir la Charte, qui se sont engagés par le serment à lui obéir, puissent s'arroger le droit de l'interpréter, de l'ameliorer même. Ce serait la plus téméraire et la plus dangereuse usurpation. Ce droit ne peut appartenir qu'a un autre pouvoir, à une assemblée de révision. La constitution

рѣшительно высказываются въ пользу необходимости особаго порядка для пересмотра конституціи. Они видятъ существенный пробѣлъ хартіи въ томъ, что она не предусматриваетъ пересмотра конституціи, подобно прежнимъ хартіямъ, конституціи 1791 г. и конституціи VIII г., и высказываются въ пользу необходимости пополнить этотъ пробѣлъ и обставить ревизію конституціи гарантіями, которыя обезпечили бы общественному мнѣнію соотвѣтствующее вліяніе на пересмотръ хартіи.

VI.

Отношеніе правительства къ вопросу объ измѣняемости хартіи въ первые годы царствованія Людовика XVIII.

Предшествующее изложеніе показало, что по вопросу объ измѣняемости хартіи встрѣтились въ парламентѣ Людовика XVIII два противоположныхъ воззрѣнія: представители новой Франціи видѣли въ хартіи незыблемый основной законъ, который обычнымъ законодательнымъ порядкомъ измѣненъ быть не можетъ, роялисты же учили, что хартія — свободный даръ суверена, который, въ зависимости отъ воли короля, подлежитъ измѣненію, дополненію и даже отмѣнѣ и притомъ тѣмъ же самымъ порядкомъ, которымъ онъ былъ данъ, т.-е. одностороннимъ актомъ монарха.

Правительство Людовика XVIII не присоединилось ни къ тому, ни къ другому воззрѣнію, а избрало средній путь, который, съ од-

---

de 1791 avait fixé le temps ou elle pourrait être révisée et la manière dont elle pourrait l'être. Si cette disposition eut été respectée, la première assemblée législative n'aurait pas suspendu le monarque, nous n'aurions pas eu la Convention et tous les malheurs qu'elle a produits. La constitution de l'an VIII avait institué un corps politique chargé de maintenir ou annuler les actes qui lui seraient déférés comme inconstitutionnels par le tribunal ou par le gouvernement, d'expliquer les articles de la constitution qui donnaient lieu à différentes interprétations. Il avait donc le pouvoir de réviser, d'interpréter. La Charte n'a pas eu cette prévoyance, mais il peut y être suppléé par une loi et cette loi est le domaine de la puissance législative ordinaire. Ce sera à MM. les Ministres et aux Chambres a en combiner les dispositions avec toute la circonspection et la sagesse que son importance devra commander. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXVIII, p. 83.

[5]) On chercherait en vain dans la Charte un mode de révision: elle n'en contient pas; puisque cette lacune existe et que le projet d'y faire des changements a excité des inquiétudes sur tous les points de la France, il serait d'une haute sagesse, pour assurer de plus en plus la stabilité, de remplir cette lacune en déterminant par une loi quelques changements, si l'expérience venait à les démontrer nécessaires. Ces changements ne pourraient avoir lieu que sur la proposition formelle du Roi, une seule législature ne pourrait les adopter; il serait nécessaire que le Roi persistât dans sa proposition pendant plusieurs sessions des Chambres, et qu'au moins deux législatures successives y donnassent assentiment. On pourrait même statuer que, pour opérer ces changements il faudrait qu'ils fussent consentis dans les Chambres par une majorité plus forte que la majorité ordinaire. Arch. parlementaires, 2-ème Série. T. XXVIII, p. 421.

ной стороны, признавалъ догматъ октроированнаго порядка, выставленный роялистами, а съ другой, хотѣлъ обезпечить либераламъ неприкосновенность основныхъ принциповъ конституціонаго режима. Эту умѣренную точку зрѣнія отстраивали въ своихъ парламентскихъ рѣчахъ министры Паскье, де Серръ и Корьбіеръ при защитѣ ими законовъ о выборахъ 1817 и 1820 г.г. и закона 1824 года.

Но прежде, чѣмъ стать на эту точку зрѣнія, правительство Людовика XVIII въ своей политикѣ по отношенію къ измѣняемости хартіи пережило нѣсколько колебаній, наиболѣе яркими моментами которыхъ является указъ 13 іюля 1815 года и ордонансъ 5 сентября 1816 года.

Первый изъ этихъ указовъ предполагаетъ принципъ измѣняемости хартіи безъ всякихъ ограниченій. Онъ вноситъ въ хартію цѣлый рядъ поправокъ: онъ увеличиваетъ число депутатовъ отъ 262 до 402 и понижаетъ ихъ возрастный цензъ съ 40 до 25 лѣтъ; онъ, кромѣ того, опредѣляетъ, что въ слѣдующую сессію палатъ будутъ подвергнуты пересмотру статьи конституціи, касающіяся законодательной иниціативы, права поправокъ и еще нѣкоторыя другія статьи хартіи[1]).

---

[1]) А именно §§ 28; 35—46. Принципъ измѣняемости хартіи провозглашается первыми же строками этого указа, мотивирующими его постановленія. Вотъ онъ: «Nous avions annoncé que notre intention était de proposer aux Chambres une loi, qui réglât les élections des députés des départements. Notre projet était de modifier, conformement à la leçon de l'expérience et au voeu bien connu de la nation, plusieurs articles de la Charte touchant les conditions d'éligibilité, le nombre des députés et quelques autres dispositions relatives à la formation de la Chambre, à l'initiative des lois et au mode de ses délibérations. Le malheur des temps ayant interrompu la session des deux Chambres nous avons pensé que maintenant le nombre des députés des départements se trouvait par diverses causes beaucoup trop réduit pour que la nation fût suffisamment représentée; qu'il importait surtout, dans telles circonstances que la représentation nationale fût nombreuse; que ses pouvoirs fussent renouvelés; qu'ils émanassent plus directement des collèges électoraux; qu'enfin les élections servissent comme d'expression à l'opinion actuelle de nos peuples. — Nous nous sommes donc déterminé à dissoudre la Chambre des députés et à convoquer sans delai une nouvelle; mais le mode des élection n'ayant put être reglé par une loi, non plus que les modifications à faire à la Charte, nous avons pensé qu'il était de notre justice de faire jouir dès à présent la nation des avantages qu'elle doit recueillir d'une représentation plus nombreuse et moins restreinte dans les conditions d'éligibilité; mais voulant cependant que, dans aucun cas, aucune modification de la Charte ne puisse devenir définitive, que d'après les formes constitutionnelles, les dispositions de la présente ordonnance seront le premier objet des délibérations des Chambres. Le pouvoir législatif dans son ensemble statuera sur la loi des élections sur les changements à faire à la Charte dans cette partie, changements, dont nous ne prenons l'initiative que dans les cas les plus indispensables et les plus urgents, en nous imposant même l'obligation de nous rapprocher autant que possible de la Charte et des formes précédement en usage». Duvergier. Collection complête des lois, décrets, ordonnances, reglements et avis du conseil d'état. Tome XX, p. 5 et 6.

Второй указъ 5 сентября 1816 года установляетъ противоположное начало. Онъ исходитъ изъ положенія, что «рядомъ съ выгодой улучшенія существуетъ опасность нововведеній». «Мы убѣдились, говорится въ немъ далѣе, что потребность и пожеланіе нашихъ подданныхъ сходятся въ необходимости сохранить неприкосновенность конституціонной хартіи, которая является основой публичнаго права Франціи и гарантіей всеобщаго мира». Руководствуясь этими соображеніями, указъ установляетъ въ первомъ же своемъ параграфѣ правило, по которому впредь ни одна изъ статей хартіи не будетъ пересмотрѣна. Далѣе указъ возстановляетъ 36-ю статью хартіи и отмѣняетъ «всѣ постановленія указа 13 іюля 1815 года, стоящія въ противорѣчіи съ настоящимъ ордонансомъ»[1]).

Со времени изданія этого акта правительство Людовика XVIII придерживается взгляда, что хартія въ тѣхъ ея частяхъ, которыя опредѣляютъ основныя черты дѣйствующаго во Франціи конституціоннаго строя, является незыблемымъ законоположеніемъ, измѣненію безусловно не подлежащимъ[2]). Оно допускаетъ пересмотръ лишь тѣхъ статей хартіи, которыя регулируютъ отдѣльныя подробности порядка выборовъ, но при этомъ выставляютъ необходимымъ требованіемъ, чтобы такой пересмотръ могъ состояться не иначе,

---

[1]) «Depuis le retour dans nos Etats, chaque jour nous a démontré cette vérité, proclamée dans une occasion solenelle, qu'a côté de l'avantage d'amé — liorer est le danger d'innover. Nous nous sommes convaincu que les besoins et les voeux de nos sujets se réunissent pour conserver intacte cette Charte constitutionnelle, base du droit public en France et garantie du répos général. Nous avons en conséquence jugé nécéssaire de réduire la Chambre des députés au nombre déterminés par la Charte et de n'y appeler que des hommes de l'age quarante ans. Mais pour opérer légalement cette réduction il est indispensable de convoquer de nouveau les collèges électoraux afin de procéder a l'élection d'une nouvelle Chambre des députés. A ces causes... nous nous avons ordonné et ordonnons ce qui suit. Art. 1-er. Aucun des articles de la Charte constitutionnelle ne sera révisé... Art. 12. Les dispositions de l'ordonnance du 13 Juillet 1815 contraires à la présente sont revoquées. Duvergier. Tome XXI, pp. 39, 40.

[2]) Конституціонный строй былъ вновь подтвержденъ королемъ и его семьею при торжественномъ открытіи палатъ 9 октября 1815 года. Тронная рѣчь, произнесенная при этомъ королемъ, между прочимъ, гласила: «C'est donc avec une douce joie et une pleine confiance, que je vous vois rassemblés autour de moi certain que vous ne perdrez jamais de vue les bases fondamentales de la félicité de l'Etat: union franche et loyale des Chambres avec le Roi, et respect pour la Charte constitutionnelle. Cette Charte que j'ai médité avec soin avant de la donner, à laquelle la reflexion m'attache tous les jours davantage, que j'ai juré de maintenir et à laquelle vous tous, à commencer par ma famille, allez jurer d'obéir, est sans doute, comme toutes les institutions humaines, susceptible de perfectionnement, mais aucun de nous ne doit oublier qu'auprès de l'avantage d'améliorer est le danger d'innover...» Послѣ этой рѣчи короля, канцлеръ, выслушавъ приказаніе короля, объявилъ членамъ королевской семьи и принцамъ крови, что наступилъ моментъ принести клятву. Тогда поднялся графъ д'Артуа и сказалъ: «Я клянусь быть вѣрнымъ королю и соблюдать хартію и законы королевства». Такую же клятву принесли герцогъ Ангулемскій, герцогъ Беррійскій, герцогъ Орлеанскій и принцъ Конде.

какъ законодательнымъ путемъ, т.-е. не одностороннимъ распоряженіемъ короля, а совокупной дѣятельностью всѣхъ трехъ факторовъ законодательной власти: короля, палаты перовъ и палаты депутатовъ.

Въ полномъ согласіи съ этими принципами были изданы: избирательный законъ 5 февраля 1817 года; затѣмъ такъ называемый законъ о двойномъ голосованіи (loi du double vote) 29 іюня 1820 года и, наконецъ, законъ о септенатѣ 9 іюня 1824 года, установившій интегральное возстановленіе палаты депутатовъ каждыя семь лѣтъ.

Внося въ парламентъ проекты этихъ законовъ, министры Людовика XVIII мотивировали ихъ въ своихъ рѣчахъ разсужденіями, которыя даютъ намъ вполнѣ опредѣленное представленіе объ отношеніи правительства къ вопросу объ измѣняемости хартіи въ разсматриваемую эпоху. Съ этимъ отношеніемъ въ его болѣе характерныхъ чертахъ мы на слѣдующихъ страницахъ и познакомимъ читателя. Оно вмѣстѣ съ тѣмъ развернетъ передъ нами и доктрину монархическаго принципа въ томъ ея фазисѣ, который характеризуетъ послѣдніе годы царствованія Людовика XVIII.

VII.

Правительственная доктрина объ юридической хартіи въ послѣдніе годы царствованія Людовика XVIII (1816—1824 годы).

Правительственная доктрина объ измѣняемости хартіи въ разсматриваемую эпоху, какъ и за все время своего существованія, исходитъ изъ того положенія, что власть короля — власть первичная, самородная, имѣющая свою основу въ самой себѣ, въ своихъ историческихъ корняхъ и въ своихъ вѣковыхъ традиціяхъ.

«Для того, чтобы «сохранить хартію», говорилъ министръ внутреннихъ дѣлъ Корбіеръ, необходимо, чтобы ея первоосновы были легитимны. Хартія же была октроирована королемъ; это фактъ безспорный. И это выраженіе «октроирована» должно имѣть такую же связывающую насъ силу, какъ и весь остальной текстъ хартіи. А разъ мы утверждаемъ, что король октроировалъ хартію, мы этимъ самымъ признаемъ, что онъ имѣлъ на это право, былъ, другими словами, облеченъ властью даровать ее. Король, насчитывающій 27 лѣтъ своему царствованію, былъ, очевидно, вооруженъ правомъ, предшествующимъ хартіи»[1]).

[1]) Рѣчь Корбіера въ палатѣ депутатовъ 24 января 1822 года. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXXIV, p. 168.

Сходясь съ роялистами въ воззрѣніи на власть монарха, какъ на авторитетъ, имѣющій свой источникъ въ самомъ себѣ, и, раздѣляя ихъ взглядъ на хартію, какъ на односторонній актъ короля, правительство Людовика XVIII не дѣлало, однако, изъ этихъ предпосылокъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ приходили роялисты; оно не признавало за королемъ права свободно и по своему усмотрѣнію видоизмѣнять хартію. Власть короля, разсуждали министры Людовика XVIII, предшествуетъ хартіи, но не господствуетъ надъ ней. «Авторитетъ монарха, говоритъ тотъ же Корбіеръ, не можетъ стоять надъ хартіей. Король октроировалъ ее своимъ народамъ; она есть благо, принадлежащее тѣмъ, которые ее получили; король не можетъ поэтому обладать авторитетомъ, стоящимъ выше хартіи, ибо тогда его авторитетъ могъ бы взять ее обратно, и тогда хартія была бы ничѣмъ не обезпеченнымъ даромъ»[1]).

До изданія хартіи вся полнота власти находилась въ рукахъ короля, онъ былъ единственнымъ носителемъ суверенитета и осуществлялъ его единолично; издавъ же хартію, король привлекъ къ осуществленію своего суверенитета палаты, которыя этимъ самымъ стали соносителями государственнаго суверенитета. «Мы утверждаемъ, говоритъ министръ де Серръ, что король осуществляетъ всю полноту суверенитета закона совмѣстно съ палатами, и утверждаемъ это вмѣстѣ съ хартіей, которая опредѣляетъ, что палаты суть формы правленія короля (les formes du gouvernement du Roi»[2]).

Дарованіемъ хартіи король отказался отъ своей абсолютной власти. Онъ призвалъ палаты къ обсужденію всѣхъ законовъ, не исключая и законовъ основныхъ. Суверенитетъ, принадлежавшій одному монарху, пересталъ сосредоточиваться въ его рукахъ и сдѣлался достояніемъ сложнаго государственнаго органа — парламента, состоявшаго изъ короля, палаты перовъ и палаты депутатовъ[3]).

[1]) Non, Messieurs, l'autorite du Roi ne peut pas être supérieure à la Charte. Le Roi l'a octroyée à ses peuples elle est un bienfait qui appartient à ceux qui l'ont reçue; par conséquent le Roi ne peut avoir une autorité supérieure à la Charte car cette autorité pourrait la revoquer et alors il aurait donné sans assurer ce don (тамъ же, T. XXXIV, p. 167. 24 января 1822 года).

[2]) Рѣчь въ палатѣ депутатовъ 20 марта 1821 года. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXX, p. 403.

[3]) Рѣчь Фрейсину, сторонника правительства, въ палатѣ перовъ 7 мая 1824 года: «Sous toutes les formes de gouvernement, dans les républiques comme dans les monarchies, on est forcé de reconnaître quelque part une autorité souveraine à laquelle tout doit céder. C'est une des conditions nécessaires de l'existance et de la durée des sociétés. Or où la placerons nous cette autorité, sinon dans la réunion des trois pouvoirs? Oui, dans l'ordre civile et politique leur concert est la volonté suprême: la chercher ailleurs c'est chercher un remède pire que le mal, c'est faire un appel aux passions de la multitude. Arch parl. Tome XL, p. 385.

Но власть этого сложнаго органа, по ученію правительства Людовика XVIII, далеко не безгранична: во Франціи не приложимъ принципъ англійскаго права — принципъ всемогущества парламента. Высшій авторитетъ во Франціи принадлежитъ, безспорно, королю и палатамъ; но онъ не безграниченъ и находитъ свой предѣлъ въ тѣхъ основныхъ опредѣленіяхъ хартіи, которыя образуютъ собою безспорные принципы современнаго правового порядка. «Законы, говоритъ де Серръ, не имѣютъ тираническаго суверенитета: они не могутъ преступать незыблемыхъ правилъ справедливости и разума; они являются для охраненія благопріобрѣтенныхъ правъ и для обезпеченія общихъ интересовъ націи[1]). Начало ограниченности законодательной власти предѣлами основныхъ принциповъ конституціоннаго строя очень рѣшительно высказываетъ Корбіеръ въ рѣчи, произнесенной имъ 7 мая 1824 года. «Кто не чувствуетъ, кто не видитъ съ перваго же взгляда, восклицаетъ онъ, что существуютъ постановленія, которыхъ ни подъ какимъ предлогомъ касаться нельзя: это тѣ опредѣленія хартіи, которыя образуютъ необходимую основу нашей политической системы, а именно: раздѣленіе властей на три отрасли, существованіе палаты перовъ, назначенныхъ королемъ, но имъ не смѣняемыхъ, палаты депутатовъ, выбранныхъ избирателями, но могущихъ быть распущенными королемъ, вотированіе налоговъ и законовъ, несмѣняемость судей одинаковое съ этими опредѣленіями значеніе имѣютъ общія свободы, которыя хартія обезпечиваетъ французамъ, и тѣ частныя права, которыя она имъ гарантируетъ[2]).

Правительство Людовика XVIII различаетъ такимъ образомъ въ хартіи двѣ категоріи опредѣленій, рѣзко другъ отъ друга различающихся и по своему значенію и по своей юридической силѣ: одни касаются самыхъ принциповъ существующаго строя: они такъ же незыблемы, какъ этотъ строй, и пересмотру законодательной власти не подлежатъ; вторыя же имѣютъ второстепенное значеніе: они представляютъ собою лишь техническое приспособленіе основныхъ началъ, но никакихъ новыхъ принциповъ въ себѣ не заключаютъ. Обѣ имѣютъ лишь регламентарный характеръ и могутъ быть измѣнены обыкновенной законодательной властью. «Было бы ложно утверждать, говоритъ де Серръ, будто сложный суверенитетъ, какъ онъ существуетъ у насъ, т.-е. авторитетъ короля и двухъ палатъ, обладалъ бы властью лишить французовъ тѣхъ правъ, кото-

[1]) Les lois n'ont pas une souveraineté tyrannique (que je n'admets nulle part); qu'elles ne peuvent s'élever au dessus des règles éternelles de la justice et de la raison, qu'elles doivent être faites pour le maintien des droits acquis et dans les intérêts généraux de la nation. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXX. p. 403.

[2]) Arch. parl. 2-ème Série. T. XL, p. 387.

рыя ими пріобрѣтены, правъ, покоящихся на разумѣ и на вѣчной справедливости; но тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ измѣненіи статьи хартіи второстепеннаго значенія, и тамъ, гдѣ такое измѣненіе признано безусловно необходимымъ, тамъ пересмотръ соотвѣтствующей статьи обычнымъ законодательнымъ порядкомъ безспорно допустимъ»[1]).

Правительство Людовика XVIII рѣшительно отрицало за королемъ право собственной властью и одностороннимъ объявленіемъ своей воли видоизмѣнять конституцію. Оно послѣдовательно и неуклонно исповѣдывало принципъ неприкосновенности основныхъ началъ представительнаго строя, закрѣпленныхъ хартіей. Оно допускало пересмотръ акта 4-го іюня лишь въ тѣхъ его частяхъ, которыя не затрогиваютъ этихъ основныхъ опредѣленій, но при этомъ ставило необходимымъ условіемъ, чтобы эти измѣненія второстепеннаго значенія происходили не путемъ королевскихъ распоряженій, а не иначе, какъ въ формѣ закона.

Требованіе же либераловъ, чтобы эти измѣненія были недоступны обычной законодательной власти и чтобы вообще всякое измѣненіе въ хартіи, какихъ бы второстепенныхъ статей оно ни касалось, не могло бы состояться иначе, какъ особымъ усложненнымъ порядкомъ, это требованіе министры Людовика XVIII не только считали излишнимъ, но и признавали безусловно вреднымъ. Они видѣли въ установленіи такого особаго порядка признаніе учредительной власти, главенствующей надъ законодательной и ее себѣ подчиняющей. А признаніе такой власти, разсуждали они, предполагаетъ исповѣданіе начала народнаго суверенитета и неотра-

---

[1]) Arch. parl. T. XXXIV, p. 221. Ту же точку зрѣнія развиваетъ и Корбіеръ въ рѣчи, произнесенной имъ 7-го мая 1824 года. «Нельзя, замѣчаетъ онъ, согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые утверждаютъ, будто не существуетъ важнаго различія между тѣми постановленіями хартіи, которыя составляютъ ея сущность, и тѣми, которыя лишь акцессорны и регламентарны... Нельзя отрицать, что рядомъ со статьями первостепенной важности существуютъ другія опредѣленія, имѣющія первостепенное значеніе, предназначенныя только регулировать въ деталяхъ примѣненія этихъ великихъ принциповъ и вполнѣ доступныя улучшеніямъ, признаннымъ опытомъ необходимыми. Возражаютъ, что разъ допущено различіе между статьями принципіальной важности и опредѣленіями второстепенными, никто не помѣшаетъ министрамъ этому различію давать произвольное истолкованіе и подъ предлогомъ второстепеннаго значенія отмѣнять одну за другою всѣ статьи хартіи. Но, дѣлая это возраженіе, забываютъ, что въ этихъ вопросахъ не министры имѣютъ рѣшающій голосъ: они, правда, могутъ возбуждать подобные вопросы, но для того, чтобы ихъ предложеніе было принято, необходимо, чтобы они положительнымъ образомъ доказали, что предложенное ими измѣненіе дѣйствительно необходимо и что оно не колеблетъ ни одного изъ основныхъ и священныхъ принциповъ конституціоннаго договора, и необходимо чтобы они доказали это передъ палатами, являющимися ихъ непосредственными судьями, и передъ судомъ общественнаго мнѣнія». Рѣчь Корбіера 7 мая 1824 года, Arch. parl Tome XL, p. 387.

зимо ведетъ къ системѣ конвентовъ, столь въ своихъ послѣдствіяхъ, какъ показалъ опытъ, вредоносной[1]).

Правительственная доктрина объ измѣняемости хартіи за все время царствованія Людовика XVIII держалась неизмѣнно указанной умѣренной точки зрѣнія, такъ же далеко отстоявшей отъ принципа народнаго суверенитета, какъ и отъ начала неограниченной власти самодержавнаго короля. Эта доктрина учила, что со времени дарованія хартіи высшая законодательная власть во Франціи осуществляется не иначе, какъ совмѣстной дѣятельностью короля и обѣихъ палатъ.

Признавая палаты необходимыми соносителями суверенной власти, министры Людовика XVIII не хотѣли, однако, видѣть въ нихъ равноправныхъ королю государственныхъ факторовъ. Если, учили они, король не можетъ издать ни одного закона безъ согласія на него парламента, то, съ другой стороны, степень участія короля и палатъ въ законодательномъ творчествѣ далеко не одинакова. Преобладающая въ этомъ творчествѣ роль принадлежитъ королю, и въ этомъ отношеніи французскій государственный строй рѣзко отличается отъ другихъ политическихъ формъ, построенныхъ на началѣ народнаго суверенитета и видящихъ въ народѣ высшую инстанцію,

---

[1]) Arch. parl. Рѣчь Бенжамена Констана въ палатѣ депутатовъ 27 мая 1820 года. Tome XXVIII, p. 156. Въ этомъ же смыслѣ высказывается здѣсь Паскье: «Въ конституціонномъ правительствѣ, рѣшительно заявляетъ онъ, нѣтъ другого способа вносить измѣненія въ конституцію, кромѣ того, который установленъ самой конституціей для составленія законовъ: не будь его, надъ государствомъ висѣла бы постоянно угроза или революція, или ему угрожала бы опасность застоя. Этотъ принципъ я считаю возможнымъ смѣло выставить передъ всѣми людьми — друзьями свободы. Паскье подробно развиваетъ эти мысли въ рѣчи, произнесенной въ палатѣ депутатовъ 27 іюня 1820 года. «Всякая конституція, не носящая въ себѣ легкаго и простого способа во всякое время вносить въ свои статьи улучшенія, въ которыхъ она нуждается, — была бы силою вещей осуждена на очень кратковременное существованіе. Я говорю, что эти способы должны быть простыми и легкими; я еще прибавлю, что они должны быть взяты изъ естественнаго и обычнаго хода законодательной власти. Я утверждаю, что если бы было иначе, если бы хотѣли избрать болѣе торжественныя формы, если бы прибѣгли къ средствамъ чрезвычайнымъ, то этимъ вызвали бы опасности, которыхъ породили бы именно тѣмъ, что о нихъ оповѣстили; силою вещей установили бы право высшаго порядка, главенствующее надъ правомъ обычной законодательной власти; неотразимой послѣдовательностью вы впали бы въ систему конвентовъ, въ то ужасное проявленіе суверенитета народа, дѣла котораго были бы всегда ничѣмъ инымъ, какъ дѣломъ разрушенія. И, дѣйствительно, мы видимъ, что вездѣ, гдѣ существуютъ люди, которые хотятъ разрушенія, они неистовыми криками взываютъ къ конвентамъ. Остерегайтесь же всего, что могло бы дать основаніе предполагать этотъ принципъ, и умѣйте понять, какъ то поняли англичане, что законодательная власть, состоящая изъ короля, палаты перовъ и палаты депутатовъ, фактически и юридически обладаетъ всѣми способностями, всѣми полномочіями, необходимыми для поддержанія, для сохраненія, для защиты для улучшенія, для усовершенствованія конституціоннаго порядка. Arch. parl., T. XXIX, p. 8.

во всѣхъ основныхъ вопросахъ государственнаго законодательства и управленія говорящую свое послѣднее слово. «Источникъ, изъ котораго наши палаты почерпнули свой авторитетъ, говоритъ Мартиньякъ, всегда мысленно передъ нами, и мы не можемъ ни забыть его, ни ложно истолковать. Полномочія, на которыхъ покоится нашъ авторитетъ, являются делегаціями суверенной власти; этотъ авторитетъ исходитъ отъ короля, онъ является результатомъ уступки, продуктомъ добровольнаго раздѣла. Исходя отъ короля, палаты безсильны принять рѣшеніе противъ короля и помимо него... У насъ король — творецъ властей, призванныхъ къ составленію законовъ. Онъ приводитъ ихъ въ движеніе, онъ же ихъ умѣряетъ. Отъ него исходитъ инипіатива законовъ, онъ же является ихъ исполнителемъ. Законодательный проектъ исходитъ отъ него, и законъ возвращается къ нему, чтобы получить свою суверенную власть и ту силу и то дополненіе, которыя предписываютъ исполненіе и повелѣваютъ повиновеніе».

Въ виду такого соотношенія власти короля къ компетенціи палатъ, установленнаго существующимъ строемъ во Франціи, по мнѣнію Мартиньяка, не можетъ быть и рѣчи о господствѣ начала народнаго суверенитета. «Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, тамъ, гдѣ починъ законовъ исходитъ отъ короля, гдѣ существуетъ наслѣдственная и аристократическая палата, созданная королемъ и члены которой назначаются имъ, гдѣ существуетъ палата, избранная народомъ, но учрежденная королемъ и имѣющая лишь ту долю авторитета, которая имъ ей предоставлена, тамъ, гдѣ санкція исходитъ отъ королевскаго авторитета и безъ этой санкціи нѣтъ ни исполненія, ни повиновенія, — въ такой странѣ, утверждаю я, нельзя распознать государственныхъ актовъ, которые хотя бы чѣмъ-нибудь напоминали акты народнаго суверенитета»[1]).

Приведенныя выдержки изъ парламентскихъ рѣчей министровъ Людовика XVIII, произнесенныхъ ими въ 1816 по 1824 годы, показываютъ, что правительственныя заявленія за этотъ періодъ времени значительно умѣряютъ доктрину монархическаго принципа, въ той формулировкѣ, въ которой она появилась въ 1814 году: король, сохраняя самородность своей власти, перестаетъ, однако, въ этотъ періодъ быть единственнымъ носителемъ суверенитета и становится лишь однимъ изъ факторовъ верховенства, хотя и высшимъ. Онъ, по ученію правительственной доктрины, является теперь тѣмъ центральнымъ органомъ государственной власти, который руководитъ всѣми остальными, направляя ихъ дѣятельность.

---

[1]) Arch. parl., T. XLI, p. 294.

умѣряя ее и объединяя. И мы на основаніи изложеннаго можемъ съ полной опредѣленностью выставить положеніе, что въ послѣдніе годы царствованія Людовика XVIII доктрина монархическаго принципа безусловно чужда тѣхъ острыхъ формулъ, которыми ее вооружили притязанія ультрароялистовъ [1]). Она за весь этотъ періодъ сохраняетъ свой сдержанный и умѣренный характеръ и приспособляетъ свои формулы къ рамкамъ представительнаго строя. никакой опасностью ему не угрожая и никакихъ принциповъ не установляя, которые могли бы пробить брешь въ устойчивости конституціоннаго уклада.

Лишь въ царствованіе Карла X, какъ мы увидимъ въ слѣдующемъ этюдѣ, она пріобрѣтаетъ значеніе боевого клича, натравливающаго сторонниковъ стараго порядка на ревнителей политической свободы, боевого клича, ведущаго къ той катастрофѣ, которая имѣетъ своимъ послѣдствіемъ окончательное упраздненіе королевской власти Божіей милостью и вмѣстѣ съ нею безвозвратное крушеніе для Франціи доктрины монархическаго принципа.

Съ тѣхъ поръ эта доктрина становится злѣйшимъ врагомъ народной свободы и дѣлается излюбленной теоріей политической реакціи; она окончательно выходитъ изъ обихода государствъ западной культуры и находитъ себѣ пристанище лишь въ тѣхъ странахъ, которыя, подобно современной Германіи, отожествляютъ государство съ государемъ и въ остротѣ и силѣ его меча видятъ надежнѣйшій оплотъ общественнаго порядка и государственной мощи.

А. С. Алексѣевъ.

---

[1]) Французская доктрина монархическаго принципа въ этомъ фазисѣ своего развитія предвосхищаетъ то ученіе нѣмецкихъ ученыхъ о князѣ, которое является характернымъ для новѣйшей науки въ Германіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь сопоставить выдержки изъ рѣчи Мартиньяка съ слѣдующими словами Еллинека: «Существененъ для монарха тотъ признакъ, что онъ представляетъ высшую власть государства. Это — та власть, которая является двигательной силой всего государственнаго механизма. Если, такимъ образомъ, неправильно положеніе, что власть неизбѣжно сосредоточена въ лицѣ короля, то тѣмъ не менѣе справедливо для всѣхъ монархій....., что всѣ государственныя функціи исходятъ отъ монарха и въ немъ объединяются». Jellineck, Allgemeine Staatslehre», стр. 663, 664, 776. Ср. также другія цитаты, приведенныя у А. С. Алексѣева, Къ вопросу о юридической природѣ власти монарха въ конституціонномъ государствѣ», Ярославль, 1910 г., стр. 79.

Отдѣльный оттискъ изъ журн. «Юридическій Вѣстникъ» 1916 г., кн. XIII (I).

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко, Москва Воздвиж. Крестовозд. пер., д. 9.